

РОВОСЧИК 9
1981

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Сентябрь, 1981, № 9

**Журналисты берут интервью
у журналистов: молодежь
Западной Европы за мир без
ядерного оружия, за крышу
над головой, за жизнь без
страха, за честное искусство**

На первой странице обложки: это Испания, наши дни — время для страны, не так давно освободившейся от фашистской диктатуры Франко, тревожное, ответственное и сложное. Старое не собирается сдаваться без боя. Но и новое не намерено отступать. Испанский народ не запугать ни террористическими актами фашиствующих молодчиков, ни попытками военного переворота. Жажда свободы сильнее.

3. **Нина Чугунова.** БОЛГАРСКИЙ ДОМ
6. **Б. Петров.** 40 ЛЕТ БОРЬБЫ МОЛОДЕЖИ ЗА МИР, СОЛИДАРНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС
7. **Луутье Нимандсфердит.** МЫ ПРОСТО СТУЧИМ ВО ВСЕ ДВЕРИ
10. **Лотар Гайслер.** ВОЙНА БЕЗДОМНЫХ
13. **Никос Атанасакис, Стелиос Хаджидакис.** СЛОВА, КРЕЩЕННЫЕ В ОГНЕ...
16. **Джеймс Болдуин.** ЧЕРНЫЕ ДНИ
20. СМОТРИТЕ
22. **Юрий Устименко.** ЛЮДИ В ОДЕЯЛАХ
24. **ВЬЕТНАМ:** ЖИВОПИСЬ, ПОЭЗИЯ, ПРОЗА
28. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
30. **Арт Бухвальд.** ЛУВР ЗА ШЕСТЬ МИНУТ

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ, А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, С. Н. КОМИССАРОВ [зам. главного редактора], В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА [ответственный секретарь], Б. А. СЕНЬКИН

Художественный редактор Е. А. Гричук
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 21.07.81. Подп. к печ. 28.08.81. А01419. Формат 84×108^{1/16}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 1 220 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 1125.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцневская ул., 21.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

С 1 января 1982 года цена за один экземпляр нашего журнала устанавливается в размере 35 коп. Это связано с увеличением стоимости бумаги для печати, затрат на полиграфическое исполнение и доставку журнала подписчикам. Стоимость годовой подписки 4 руб. 20 коп.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

СТОКГОЛЬМ. Прогрессивная общественность Швеции выражает серьезную тревогу в связи с активизацией деятельности неонацистов в стране. «Опасен ли нацизм? Ничуть. Не верьте людям, которые говорят, что миллионы людей погибли в газовых камерах фашистов в годы второй мировой войны. Это ложь...» Листки подобного содержания получают в последнее время шведские учащиеся. Их подбрасывают в школы и гимназии молодчики из «Шведского национального союза», как именует себя действующая в стране неонацистская организация. Неонацисты пытаются отравить ядом своей пропаганды в первую очередь неискушенную в политическом отношении молодежь. В Швеции издается ряд газет и журналов, откровенно проповедующих идеи нацизма. Необходимо, подчеркивает печатный орган Рабочей партии — коммунисты Швеции газета «Норшенсфламман», разоблачать подлинное лицо нацизма, шире и объективнее информировать молодежь о чудовищных злодеяниях, совершенных фашистами в годы второй мировой войны.

ЛИССАБОН. Несколько десятков певцов, более ста музыкальных любительских групп приняли участие в выступлениях, прошедших в городах и селах Португалии в рамках Молодежного фестиваля песни. Он был организован газетой «Жувентуде», органом Португальской коммунистической молодежи.

СОФИЯ. Образование в Болгарии развивается такими темпами, которые специалисты даже высокоразвитых в экономическом отношении стран находят феноменальными. За период четвертой, пятой и шестой пятилеток (1960—1975 гг.) в стране было подготовлено свыше 1 миллиона 249 тысяч квалифицированных рабочих, специалистов со средним и высшим образованием, которые успешно работают в народном хозяйстве. Согласно прогнозам к 2000 году число квалифицированных рабочих возрастет в два раза по сравнению с 1975 годом, специалистов с высшим и средним специальным образованием — в три раза.

На с н и м к е: учащиеся столичного техникума по электронике имени В. И. Ленина.

Перед командировкой в Мубарек знающие люди сказали:

— Надо брать что-то с рукавами. Там все сорок. Может быть сильный ожог. Это же пустыня, горячая, как утюг. Как горячий утюг.

Когда мы приземлились в Карши, областном центре, там считалось не жарко. Один из встречавших был в пиджаке. Но потом мы увидели, что пиджак здесь, наоборот, спасает от жары. Значит, правильно сказать иначе: было так не жарко, что второй из встречавших был в рубашке с короткими рукавами. Мы сели в машину, брезентовый кузов которой был изнутри обит одеялом. Еще один вариант стеганого узбекского халата.

Машина прошла через пышный город Карши, демонстративно утопающий в розах, и выскочила на дорогу, а солнце балансировало на горизонте, как будто у солнца

жгло пятки. Но дышать было можно. На этой дороге нас угостили кумысом из старого кувшина с треснувшим горлом; его принес старый узбек, подавший мужчинам обе руки для приветствия. Рядом остановилась еще машина, и человек, черный не от природы, припал к кувшину и умчался на машине вдаль, как бы ускакал на лошади. Он даже не вытер кумыс с губ. Дорога вспухла от его скорости, как от удара плетью. Сказали, что он директор одного из совхозов и, когда загорит, будет похож на негра.

В Мубареке нет еще настоящей гостиницы, а у каждой строящей Мубарек организации есть домик для приезжающих специалистов. Другим людям, без специальной надобности сейчас ехать в Мубарек незачем. Нет здесь никакого дела, кроме как строить или работать на стройку.

Ночью в домике проснулся приезжий снабженец и вышел варить зеленый чай, чтобы прийти в себя в прохладе и поговорить. Под деревом он умылся из рукомойника, экономя воду, и не стал вытирать лицо. В темноте он обнаруживал себя молодым голосом.

— В трест? — спросил он утвердительно.

Он принес под дерево чайник и три пиалы и налил всем чай, плеснув на доньшко, чтобы можно было пить долго. На минуту он закрыл лицо пиалой и, глотнув чаю, стал смотреть на звезды, о которых днем человек не думает. Потом он сказал, что Мубарек будет не город — сад. Сроку он назначил десять лет. Так он думал.

...Так он думал, пил чай, закурил и, снова пробуя голос, потерянный в дневных разговорах без звезд, сказал про сад. Другого сравнения он не знал и не хотел. Он лю-

К 1300-ЛЕТИЮ ОСНОВАНИЯ
БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА

БОЛГАРСКИЙ ДОМ

Нина ЧУГУНОВА,
Геннадий МАЛАХОВ (фото),
наши спецкоры

бил Мубарек за большой объем настоящей работы. В Мубареке собаки залаяли по-пустынному в абсолютной, бездыханной тишине ночи, которая в другом месте предвещала бы внезапный зной. Снабженец ушел в дом, отведя на двери марлевою занавеску от мух; он ушел, чтобы подняться через три часа и, вернувшись, упасть и уснуть в ожидании, что к середине ночи станет возможно пить чай во дворе.

Кашкадарьинская степь не пустыня, так говорить неправильно. Было время начала освоения Кашкадарьинской степи, и теперь степь жива. Потом мы увидели оросительную систему, которую лучше назвать не артериями, а жилами этой земли: по жилам течет рабочая вода. Вода пульсирует, льется толчками, гонит по жилам жизнь. Жизнь на этой земле надо постоянно будить, однажды разбуженную.

И потом мы увидели смерч — небольшой, не грозный, городского масштаба, — он запутался среди грузовиков на грузовой железнодорожной станции, неуместный, как фокусник в халате со звездами среди бела дня.

И мы увидели саксауловые рощи, тонкий набросок настоящих рощ...

И все такие приметы, «лежащие на поверхности» этой сухой, как будто промерзшей земли.

Люди, к которым мы приехали, построили в Мубареке школу и отправили в нее учиться своих детей. Эти люди также построили первые жилые дома, а когда они приехали, в Мубареке было четыре дома. Эти люди построили столовую. Сейчас они строят жилые дома и огромный завод, гарантирующий Мубареку большое будущее.

Едва были построены школа и столовая, город Мубарек был торжественно открыт как город, и атласная ленточка упала к ногам этих людей, как бы разведя руками: ну здравствуй, Город... Каждый, кто это видел, про себя сказал эти слова по-русски, по-узбекски, по-татарски (Мубарек строят люди пятидесяти двух национальностей!) и по-болгарски.

Мы приехали к болгарам.

Зачем болгары в Мубареке?

Мубарек позволяет болгарам спокойно планировать свою жизнь в Болгарии. В Болгарию идет газопровод.

За это, говоря просто, болгары строят завод для получения из газа серы здесь, в Мубареке. И дома.

Строят болгары хорошо.

Утром мы пошли к ним через весь Город.

Сначала нам встретилась корова. Она стояла, прилипнув, как банный лист, к глиняной стене, и мечтала превратиться в тень.

Местные влюбленные держались за руки у арыка и смотрели на воду как на чудо. Мы обошли как туристы, не знающие языка, этот живой памятник торжествующей любви и вышли на площадь будущего с мебельным магазином на горизонте.

На столе начальника болгарской строительной группы Ивана Маринова среди бумаг лежала статья или рассказ. Первую фразу мы прочли машинально, она была написана по-русски.

«Болгария — это маленькая страна...» — вот что там было написано! Так и было написано: маленькая страна.

Потом, когда мы уже разговорились и познакомились, мы осмелились попросить у товарища Маринова эту, как оказалось, статью, приготовленную им для местной газеты. Мы прочли ее всю — краткий, удивительно сжатый и, как говорят еще, «дающий полное представление» исторический очерк страны Болгарии на протяжении ее тринадцативекового развития и рассказ о последних тридцати семи годах жизни социалистической Болгарии. В статье было много дат и имен, и в ней была ясно видна гордость автора за свой народ и свою страну.

Но самой гордой была первая фраза:

«Болгария — это маленькая страна...»

Иван Маринов, седой человек, научившийся скрывать свою усталость, сидел в центре узбекского города Мубарека и кричал в телефон, а мы пили кофе, принесенный строгой женщиной-секретарем.

— Ну,— сказал Иван Маринов, прищурившись и

отодвинув телефон подальше от себя,— как вам здесь? Как устроились?

— Нормально,— рапортовали мы.

— Ничего,— сказал Маринов,— скоро привыкнете.

— А вы,— спросили мы,— скоро привыкли?

— А я,— сказал Маринов,— здесь уже десять лет живу. Я уже не помню, скоро ли я привык.

— Десять лет подряд?

— Нет,— сказал Маринов.— Не подряд. Я уже было совсем уехал в Софию.

— Как вдруг...

— Как вдруг,— сказал Маринов,— меня снова позвали в Узбекистан. Пригласили опять поработать. Тогда я приехал сюда, потому что в Бухаре наша стройка почти вся закончилась... Да, Бухара теперь для нас окно в мир.

— Вы походите по городу, посмотрите,— сказал нам Иван Маринов,— а после приходите, милости прошу. Я сегодня у телефона, такой день.

И мы вышли под гудение его кондиционера.

Школа, построенная болгарами, школа как школа. Столовая, правда, маловата. Нужна новая, больше. В столовой мы заглянули в меню: среди холодных закусок значились бутерброды «Принцесса», а в супах был суп «Таратор» — типично болгарские кушанья. Теперь в столовую ходит меньше болгар, чем других, и «Таратор» оставлен в меню на память о болгарских строителях столовой.

— Надо фамилии писать, кто строил,— говорит один болгарин по имени Харламбий.

— Зачем?

— Зачем? — говорит Харламбий.— Я же уеду. Для меня. Буду дома жить и буду вспоминать, что здесь оставил свое имя, выбитое в камне.

— Но ты же все равно будешь это помнить.

— Нет,— медленно говорит Харламбий,— лучше бы написать. Все-таки это лучше. Я бы дома так и сказал: есть там мое имя.

— А ты так скажешь: есть там мой завод.

— А я так уже сказал,— сказал Харламбий.— И жена так обо мне скажет, когда Георгий подрастет и научится ее понимать. Он здесь родился, а теперь он там, чтобы учиться ходить, но это я так высоко сказал. Там просто удобнее, бабушка-бабушка, не дергается жена.

В Бухаре всякий человек знает, что строили болгары. Мы потом были в Бухаре и видели, что и как (как отлично) построено болгарами. В Бухаре в болгарском городке на одном из домов написано красной краской слово «Счастье». Большое такое слово. В этом городке болгарка напекла соленых палочек из теста, вынесла целое блюдо и сидит у своего дома, всех угощает. В Бухаре болгары живут своим городком.

В Мубареке болгары живут в городе Мубареке. В одном доме их больше, в другом меньше. Но они живут со всеми вместе, то есть «не своим» домом. В Мубареке дети играют все вместе. Мубарек — это один общий дом. Но ведь у каждого есть свой...

Три рассказа о доме:

Первый. Строительство.

— Я строил свой дом в Болгарии пять лет. Скажете, это много? Нет, это очень мало и очень быстро. У нас свой дом можно строить и десять лет. Сначала человек строит себе самому, потом, когда вырастает его сын, он начинает строить дом своему сыну, и сын помогает отцу. Так и идет стройка для сына, пока сыну не исполнится время жениться. Сын тогда уходит в этот дом жить, а тем временем начинается или уже идет строительство нового дома, для более младшего сына. И только последний, самый младший, остается жить с родителями, а они уже старые... Да, о чем я? О строительстве.

Пять лет я не имел ни суббот, ни воскресений и даже не отдыхал во время отпуска, а только работал, работал и тысячу раз могу повторить это слово, чтобы можно было представить, как я работал. Я поднял стены и снаружи по стенам пустил специального вида такую штукатурку, называется теранованная. Внутри дома я гладко оштукатурил стены и сделал их белого цвета, потому что так де-

лают обычно и это очень красиво и производит впечатлительные чистоты и прохлады. Я сделал открытую веранду, чтобы всей семьей, которая у меня только начинается, сидеть на этой веранде и пить кофе, или я бы позволил себе выпить немного вина. Я застеклил окна, я провел свет, я включил этот свет и вошел в дом вместе с женой и с отцом, который тащил барашка, взяв его у себя дома, в деревне, а следом шла родня, таща с собой вино, и следом шли музыканты со скрипкой и с гайдой, а уж за ними шли гости, и гостей было сто шестьдесят человек, самые близкие. И я попросил всех налить себе холодного вина и поднять стаканы, и я поздравил этот дом с его рождением, потому что сын, который должен был родиться скоро, теперь родится в своем доме. И музыканты заиграли, и скрыпочка поплыла по дому и вдруг стала вырываться из рук музыканта, и все тогда стали плясать.

— А потом вы уехали? — спросили мы рассказчика Пеню Атанасова.

— Я раньше хотел сюда ехать, но не мог.

— Почему?

— Потому что я строил дом. Я же говорил: надо все в жизни делать по порядку.

Рассказ второй. Проект.

— Я не сразу хотела заниматься этим домом. Ведь это не моя работа. Моя работа больше бумажная, и я приехала сюда не работать архитектором, а больше потому, что должен был ехать Петр. И так я сижу здесь, в нашем кабинете, и из окна видна та площадка, на которой должны были строить эту новую столовую. Подойдите к окну, и сразу видно. Да, вот там, где кран и где сейчас идет работа. Но лучше все рассказывать по порядку. Ведь я архитектор, и, когда я увидела проект, по которому должны были побыстрее строить новую столовую, я тут сказала: ну нет, разве так можно, это же не соответствует нормам времени и нынешнему взгляду на архитектуру! И только тогда я поняла, что я обязана заниматься этим. Я сказала: на месте этой столовой я смогу сделать Дом молодежи. Сделать — это, конечно, так сказано, речь шла всего лишь о проекте, но и это уже много для того, чтобы на меня посмотрели с недоверием. Ведь неизвестно, что я могу понимать в своем деле, а еще я поняла — всегда проще строить то, что уже лежит в кармане, на что есть деньги, на что есть проект. Но мне так сказали: ну что же... пробуйте, пытайтесь, возможно... Вы представляете, как это было сказано? И тут я почувствовала такие силы, потому что уже нельзя было отступить. Пришлось заниматься этим, так сказать, день и ночь, но так прямо я не могу утверждать, что я работала день и ночь, ведь

у меня семья. Я придумала такой чудесный дом... Он должен быть белый обязательно. У нас так обычно делают, и это красиво и создает ощущение прохлады...

— И отражает это сильное солнце, — подсказали мы Светлане Геровой, рассказчице.

— Что касается солнца, — сказала Светлана, — я придумала другое. Это такие световые или даже, нужно сказать, тепловые экраны, плиты перед стенами.

— А что там, внутри? — спросили мы, и Светлана, рассказывая, как бы повела нас по своему Дому.

Там было прохладно и свежо. На первом этаже ресторан, на втором дискотека и комнаты для тихих и отдельно для подвижных игр молодежи.

Проект уже принят. Стройка началась. Проект будет отправлен в Софию как победивший экспонат на выставке научно-технического творчества болгар, работающих в Советском Союзе. Светлана только что вернулась из Тюмени, где прошла эта выставка, и привезла диплом, подтверждение победы.

— Светлана, помните, вы сказали, как вам стало ясно, что надо возражать против старого проекта. Почему вам это было ясно?

Светлана стала думать.

Она оперлась подбородком на свою слегка загоревшую руку.

— Я всем женщинам говорю, — сказала вдруг Светлана, — надевайте что-нибудь с длинными рукавами! Так... Почему? Но тут думать нечего!

Мы обрадовались скорому ответу.

— А вам так поступать не приходилось? — спросила Светлана.

И раз мы замолчали надолго, она сказала:

— Ведь человек только и должен заниматься тем, чтобы плохое мимо себя не пропустить, обязательно заметить.

И тут мы осмелились и спросили:

— У вас очень красивый дом?

— Очень! — сказала Светлана. — Я как в него попаду, так на пороге останавливаюсь и говорю себе: вот мой дом... Как попаду в него раз в год... Как приеду в Софию... А знаете что, приходите сегодня вечером к нам в гости! Рассказ третий. Болгарский дом.

И мы пошли в гости, когда вернулись из Бухары, посмотрев все памятники старины и все те дома и общественные здания, на которых надо бы, по мнению Харлампия Рыбарова, писать имена болгарских строителей: архитекторов, каменщиков, плотников. После того как пропели все известные русские песни по пути домой. После того как всем автобусом мы пили воду из бочки.

Вечером мы пошли в гости в болгарский дом.

Целый вечер мы провели в болгарском доме. Нас угощали печеньем. Самый запах печенья был болгарским.

— Как прохладно! — сказали мы.

— Это же кондиционер, — сказали нам.

— Как свежо и чисто! — сказали мы.

— Да что вы, — смутилась хозяйка.

— Как вкусно! — сказали мы.

— На скорую руку, — отвечали нам.

— А эта прекрасная мебель? — деловито спросили мы.

— Это таллинская, для дачи, мы ее здесь купили.

— А кажется, что болгарская, — сказали мы.

— Правда? — обрадовалась хозяйка. — Правда?

Правда. В том смысле, что сразу видно, как далеко Болгария. Приходится ее строить из подручных материалов. Маленькую, свою. Еще меньше, чем она есть. Без болгарского дома нельзя болгарину. Ему тяжелая работа не тяжела, если есть он.

— Привыкнуть нужно, освоиться, устроиться.

...То есть построить Дом. Все надо делать по порядку, как сказал Пеню Атанасов. Маленький дом для себя, большой болгарский дом для Мубарека. Потом звать музыкантов. Чтоб «скрыпочка» была.

— Была, была! Уже был наш праздник неделю назад. Был праздник Болгарии в Мубареке.

...А потом в доме жить.

40 ЛЕТ БОРЬБЫ МОЛОДЕЖИ ЗА МИР, СОЛИДАРНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС

Б. ПЕТРОВ, первый заместитель
председателя КМО СССР

С того дня прошло сорок лет... Шла война. Гитлеровцы рвались в глубь нашей страны. Чудовищная опасность нависла над всем цивилизованным миром. Обстановка требовала мобилизации всех антифашистски: сил, в том числе молодежи, для отпора врагу. 28 сентября 1941 года в Москве состоялся митинг, участники которого — бойцы Красной Армии, молодые рабочие и студенты столицы — приняли обращение «К молодежи всего мира!». «Силы молодежи свободолюбивых и независимых народов неисчислимы, — говорилось в этом документе. — Повсюду вступают в борьбу миллионы юношей и девушек. В огне борьбы создается единый патриотический фронт молодежи. Мы зовем молодежь мира: укрепляйте этот единый фронт борьбы!»

На созданный в тот же день Антифашистский комитет советской молодежи (АКСМ) была возложена задача установить связи с юношескими организациями в странах антигитлеровской коалиции, содействовать расширению антифашистской борьбы во всем мире. В сложнейших условиях военного времени АКСМ делал все возможное, чтобы зарубежные сверстники как можно больше узнавали о подвигах советских юношей и девушек на фронте и в тылу. Рассылая материалы, письма, фотографии, подготавливая радиопередачи, комитет вносил свой вклад в общее дело борьбы с врагом.

В послевоенные годы интернациональные связи советской молодежи и студенчества расширились, изменились их характер и формы, что и предопределило преобразование АКСМ в 1956 году в Комитет молодежных организаций СССР (КМО СССР).

Представляя в международном молодежном движении многомиллионную советскую молодежь, КМО призван доносить до зарубежных сверстников ее авторитетное мнение по самым жгучим вопросам современности. Вся его деятельность определяется приверженностью молодого поколения нашей страны делу мира, солидарности с угнетенными, идеалам справедливости и свободы. Можно с полным основанием говорить, что наш комитет, как выразитель взглядов и интересов советской молодежи на международной арене, пользуется заслуженным уважением. Ибо мы последовательно отстаиваем принципы, которые понятны и близки всем честным людям: мир и дружба, антиимпериалистическая солидарность, социальный прогресс.

У нас много друзей, с которыми мы рука об руку беремся за осуществление этих целей. Их подавляющее большинство среди наших партнеров — 1350 международных, региональных и национальных организаций молодежи и студентов, представляющих более 130 стран. Это прежде всего наши братские союзы — молодые коммунисты из социалистических и несоциалистических стран, а также крупнейшие и самые влиятельные международные юношеские организации — Всемирная федерация демократической молодежи и Международный союз студентов.

Есть у нас, конечно, и оппоненты. Они, бывает, морщатся от таких словосочетаний, как «антиимпериалистическая солидарность», однако в открытую уже не могут, как когда-то, в годы «холодной войны», выступать против лозунгов борьбы за мир и социальный прогресс. Идя на то или иное международное мероприятие, они заранее знают, что любые их попытки притупить антиимпериалистическое острие фестиваля, митинга, демонстрации и т. д.

натолкнутся на отпор со стороны прогрессивных организаций и, безусловно, КМО СССР.

Мы никому не навязываем и тем более не диктуем наших взглядов, как пытается представить дело кое-кто из врагов прогрессивного молодежного движения. Это не наш стиль, так авторитета не завоеешь. К голосу советской молодежи прислушиваются по другой причине: видят, что она искренне хочет вникнуть в ситуацию зарубежных друзей, поддержать их справедливые требования, помочь не только словом, но делом.

Сколько прекрасных, благородных инициатив, выдвинутых Ленинским комсомолом, было претворено в жизнь по линии КМО СССР! Такие глобального размаха акции, как «Юность обличает империализм» и «Молодежь — за антиимпериалистическую солидарность, мир и прогресс», всколыхнули, вовлекли в активную политическую борьбу новые миллионы юношей и девушек. Не «по приказу из Москвы» собиралась молодежь на всемирные фестивали. Резонанс души звал и зовет ее участвовать в антивоенных выступлениях.

Советская молодежь через своих полпредов — делегации на международных фестивалях, семинарах, митингах и т. д. — действительно пытается воздействовать на процессы, происходящие в мировом юношеском движении. Мы этого и не скрываем. Но воздействовать в каком направлении! Мы хотим, чтобы молодежь спланировалась на антивоенной платформе, на платформе борьбы за справедливость и социальный прогресс. Чтобы ради этих всем выгодных целей сотрудничали молодые коммунисты и социалисты, социал-демократы и либералы, католики и протестанты, рабочие, фермеры и студенты — все категории молодого поколения.

«Мир — общее достояние человечества, а в наше время — и первейшее условие его существования. Только совместными усилиями он может и должен быть сохранен и надежно обеспечен» — эти слова из Обращения Верховного Совета СССР «К парламентам и народам мира» адресованы и прямо к молодежи. В условиях, когда империализм США резко усилил темпы вооружения и пытается подорвать достигнутые в 70-е годы позитивные перемены в международных отношениях, особенно необходима активизация действий в борьбе за сохранение мира.

Важной вехой в объединении усилий молодежи в этой борьбе стал состоявшийся в январе нынешнего года в Хельсинки Всемирный форум молодежи и студентов за мир, разрядку и разоружение, идея проведения которого была выдвинута на XVIII съезде ВЛКСМ. Особенно много мероприятий с нашим участием, отражающих требования молодежи взяться за разоружение, отменить планы размещения в Европе нового американского ядерного оружия, было этим летом. В конце этого месяца Общеввропейская структура сотрудничества молодежи и студентов проводит День действий молодежи и студентов Европы за разоружение. КМО СССР был одним из учредителей Общеввропейской структуры и, естественно, принимает самое деятельное участие в подготовке этой крупной акции.

Молодежь может надеяться на решение своих проблем лишь в условиях мира. Это аксиома. Но в том-то и дело, что ее надо повторять и повторять непрестанно. КМО не устает это делать.

В этом номере рассказывается о вопросах, обсуждавшихся на одном из многих мероприятий, организованных Комитетом молодежных организаций СССР.

НУЖНО И ВОЗМОЖНО СДЕЛАТЬ ВСЕ, ЧТОБЫ НЕ ДОПУСТИТЬ НОВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Из Обращения Верховного Совета СССР
«К парламентам и народам мира»

На этой странице фоторассказ об участниках семинара «Молодежная печать в борьбе за мир, разрядку и разоружение» — журналистах прогрессивных молодежных изданий, приехавших в Советский Союз из одиннадцати стран Западной Европы по приглашению Комитета молодежных организаций СССР.

За «круглым столом», посвященным обсуждению важнейшей проблемы современности, встретились молодые коммунисты, социалисты и социал-демократы. И в этом знамение времени, требующего объединения усилий всех людей доброй воли во имя обеспечения мирного будущего человечества. Естественно, что побывать в Советском Союзе и не познакомиться с жизнью, работой, учебой и досугом советской молодежи, ролью Ленинского комсомола в осуществлении задач, поставленных XXVI съездом КПСС, наши гости не могли.

Об их встречах, о посещении крейсера «Аврора» и мемориального Пискаревского кладбища, об участии в субботнике на Ленинградском стадионе имени Кирова, средства от которого по единодушному желанию были перечислены в фонд мира, — фотографии.

О жизни и борьбе молодежи ФРГ, Голландии, Греции — интервью для «Ровесника», с которыми читатель познакомится на следующих страницах.

МЫ ПРОСТО СТУЧИМ ВО ВСЕ ДВЕРИ

Интервью с Луутье НИМАНДСФЕРДИТ
(редактором журнала «Югд», Голландия)

В Москве Луутье исполнилось двадцать шесть лет. Стаж журналистской работы — полгода. В журнале «Югд» («Юность»), органе Федерации молодежи Нидерландов, она главный редактор, единственный профессиональный журналист и единственный оплачиваемый сотрудник. Тема ее небольшого доклада на семинаре — борьба за мир, против войны, борьба против нейтронной бомбы. В свои годы редактор «Югд» все еще думает, что главная трудность для нее — неумение полностью отвлекаться от работы. «Ведь иногда это даже вредно, правда?» Она любит ездить на велосипеде: «Летом ехать и ехать далеко, долго!» Мечтает когда-нибудь купить «Пентакс», это, кажется, самая лучшая профессиональная камера, а пока у нее фотоаппарат попроще. «Это так необходимо для настоящей работы — очень дорого брать с собой в командировки фотокорреспондент-

та. «Югд» не может себе этого позволить». («Югд», кстати, не может себе позволить и хотя бы еще одного оплачиваемого сотрудника.)

Мы беседуем в перерыве между заседаниями «круглого стола». Луутье продолжает:

— ...Когда ты говоришь с человеком, то иногда трудно бывает понять, каков истинный смысл его слов. Не говоря о том, искренен ли он, важно разобраться, правильно ли ты его понимаешь. Возьмем для примера меня. Допустим, меня спрашивают, каковы, по моему мнению, цели работы журналиста и почему я выбрала такую работу. Если бы я отвечала дважды: когда только начала учиться в школе журналистики и теперь, когда у меня есть некоторый опыт, то, представьте, ответы были бы абсолютно одинаковы. А смысл совершенно разный! «Цель работы журналиста, — первый мой ответ, — информировать читателя моего издания о событиях, происходящих в стране. И я хочу стать журналистом, потому что мне очень нравится ездить, смотреть, встречаться с людьми и писать репортажи, быть в гуще жизни». Кажется, я сказала то, что думаю, и все, что думаю. Так. Но вот проходит четыре года, и второй мой ответ: «Да, действительно, цель журналиста — объективная информация. Информация о том, что происходит в нашей жизни. Но лучше спросить меня, что происходит в нашей жизни. Что в ней происходит главного, о чем надо писать и спрашивать всех и в первую очередь? Да, мне по-прежнему очень нравится ездить, и видеть, и разговаривать, и писать. Я люблю сниматься с места и быть в гуще событий. Но лучше спросите меня, как и где это события.

И то, что я вам отвечу теперь, и будет настоящим смыслом моих слов и моей работы».

Главное, что происходит в мире, я так думаю, это то, что миру угрожает война. Никто меня не убедит, что есть вещи поважнее. Сначала давайте разберемся с войной, вот что.

(...Иногда мне становится страшно. И я одинока, как один-единственный человек в этом огромном мире, такая малая частица всех людей, — начинаю это чувствовать как беспомощность. Я вдруг испытываю бессилие и ужас. Мне начинает казаться, что спастись невозможно. Но я собираюсь с силами души и говорю себе, что надо думать не о «спастись», а о том, чтобы с п а с т и. И если бы все люди...)

Едва американцы впервые заикнулись о размещении своих ракет на нашей территории, мы стали протестовать. С семьдесят шестого года я могу говорить «мы», потому что тогда в первый раз я лично приняла в этом участие. Организация протеста нидерландцев против ядерного оружия — это мое первое важное дело в жизни. За несколько месяцев до этого, 1 мая, на коммунистическом митинге я вступила в компартию. И мы, молодые члены коммунистической партии, должны были собирать подписи под антивоенным, антиракетным воззванием.

Как мы это делали? Мы просто стучали во все двери. Мы решили, что надо стучать в двери и говорить людям о войне и о бомбах. Мы думали правильно: как только человеку хорошенько объяснить и рассказать, что случится, если война станет реальностью, то он ужаснется и спросит: «Чем я могу вам помочь?» Ведь мир — это очень простое, понятное всем дело, вещь простая, как жизнь. А война не укладывается в мозг.

Со сколькими людьми я разговаривала тогда? О, это очень трудно сказать. Я вспоминаю: вечер, еще один, еще. Лица, лица. Сначала лица в городе Ден Босхе, где я родилась, потом в Вуде. Страна была нами разделена на районы, и разве так уж трудно обойти всех?

— Что такое, чего вы хотите?

— Знаете ли вы, что такое война?

Наша группа состоит из пятерых. Перед нами лица, на которых ясно написано, что мы их встревожили, оторвав от важных дел. «А вы, дети, знаете?» — однажды спросили нас самих, звонивших в дверь.

Суббота: мы, обвешанные плакатами, как сэндвичи, ходим по шоппинг-центру Ден Босха, там, где много людей, посвящающих субботы покупкам. В толпе мы гуляем как праздные, а плакаты наши кричат: «Знаете ли вы, что такое война?» Люди останавливаются, они смотрят на нас.

Так вот что я хочу сказать: несколько раз перед нами захлопывали двери. Было собрано очень много подписей. Но несколько раз лично передо мной захлопывали двери. Они и не хотели знать!

Надо было все равно стучать в эти их запертые двери! Надо было стучать, пока они не откроют. Иначе они никогда не откроют. Они захлопнули двери перед самым твоим носом, а ты стучи, чтобы оторвать их от «важных» дел. (Это я теперь так думаю.)

— Ты хорошо знаешь, что такое война?

— Моя мать никогда не говорит о войне. Но она ее, конечно, видела. В войну ей было за тридцать, и у нее уже было двое детей из нас семерых. Но теперь она не хочет об этом вспоминать.

Разве моя мама считает, что если будет война, то можно будет спастись и спасти детей? Я сама стала узнавать и читать о войне, чтобы понять, что это такое. Я стала изучать историю второй мировой войны. Конечно, некоторые цифры не укладываются в мозг, сколько ни думай над ними.

Однажды наша лига женщин (Лига освобождения женщин Нидерландов) поручила мне встретиться с одной участницей Сопротивления фашизму. Эта женщина, теперь скульптор, была с довоенного времени близкой подругой Ханни Схафт. А Ханни Схафт в войну стала героиней, подпольщицей, и немцы ее убили за несколько недель до дня освобождения. Я пришла к ее подруге, известному скульптору, чтобы обсудить детали конкретного дела — возможности издания небольшой брошюры о Ханни Схафт. И мы долго говорили о делах, связанных с брошюрой, о

Первая страница еженедельника «Югд»: молодежь протестует против размещения ракет на территории Нидерландов.

том, с какими людьми лучше всего встретиться, кто жив из знавших Ханни Схафт, с кем поговорить, чьи воспоминания записать. Я помню, как мне было неловко. Я не могла придумать, как деликатно коснуться воспоминаний моей собеседницы, а она сама не начинала такого разговора. Я думала: ведь такие воспоминания, возможно, для нее боль. Если молчит моя мать... Я спрошу, она не ответит, но ее память ведь уже оживет.

(Потом, позже, размышляя над войной, я поняла, что память о войне не оживает — она жива у людей, переживших войну. Они могут так же радоваться жизни, как и мы, их дети, но в них все равно есть такое, что мешает быть беззаботными. Даже старики, у которых от старости появляются целые провалы в памяти, даже они, наверное, помнят, не могут забыть. Так мы проговорили долго, не нарушив молчания. Я боялась.)

Как бы между прочим она сказала, что хотела бы сделать памятник Ханни Схафт и чтобы он был поставлен в родном городе этой мужественной женщины, в Хаарлеме. Власти города будто бы не против. Но они уже несколько лет находят всякие нелепые предлоги, чтобы не давать средств на этот необходимый памятник.

К сожалению, брошюра пока не вышла. Надо привлечь к участию в ее выпуске слишком многих занятых людей. И у меня почему-то не хватает времени заниматься этим. Нашлись дела, причины... Мне очень жаль, и я чувствую свою вину.

Пока власти раздумывают, ставить ли памятник антифашистке Ханни Схафт... Пока мы все раздумываем, за нашими дверями, на стенах Амстердама, появляются фашистские лозунги — в стране, которая фашизм пережила, где пропаганда фашизма запрещена законом, где память жива, значки со свастикой появляются на амстердамском рынке.

— И ты решила учиться журналистике...

— Чтобы «стучать в эти двери»? Нет, не сразу я поняла, что журналистика — это и есть громкое стучание в двери. Прежде мне просто хотелось чему-нибудь учиться. Ну как многим молодым людям. Я решила, что журналистика — это, должно быть, интересно. Четыре года я училась и четыре года незаметно начинала понимать, что мне предстоит разобраться в жизни, а не научиться писать. И моя жизнь становилась полнее.

В Школе журналистики, куда я поступила после обычной школы, люди, как я заметила, а потом убедилась, имеют самое смутное представление о политике и о жизни, то есть о своей будущей профессии. Кроме того, они все — ну, скажем так, мои однокурсники, — большие индивидуалисты. Они любят писать, и для них неважно, в каком издании они будут работать. Я это считаю страшно вредной штукой. И нас учили так — умению писать, а не умению видеть. Мы заучивали эту известную формулу репортажа: что? где? когда? для чего? и так далее. А надо уметь видеть в любом событии: что в действительности? для чего и в самом деле? в чьих интересах? и так далее.

Когда ко времени первой трехмесячной практики я позвонила в редакцию «Де ваархейд» и попросилась на практику к ним, то мне, конечно, отказали. Разумеется, отказали. Должны были отказать. Для «Де ваархейд» учеба журналистике в специальном учебном заведении не рекомендация, если не сказать, плохая рекомендация: человек, умеющий складывать слова, еще никак не журналист (у студентов школы такого понимания нет, увы).

И я не обиделась, услышав отказ. Я ведь уже поняла, что мне непременно нужно пройти практику в коммунистической газете. Потом я была на практике и на радио, но первая практика в «Де ваархейд», в нашей «Правде», была самой главной. Чтобы проникнуть туда, я написала и отправила в «Де ваархейд» маленькую заметку. Она называлась «Музыка для Монорома» и была посвящена концерту рок-ансамбля, сбор от которого пошел на школу для африканских детей. Мою «Музыку» напечатали, удивительно, даже почти не правив.

— И из «Де ваархейд» позвонили и пригласили?

— Нет, конечно, я опять звонила сама! Я опять позвонила и теперь уже отрекомендовалась автором заметки — вот такой маленькой! — которая была ими напечатана на

днях. «Приезжайте!» Со следующего дня моя жизнь пошла по следующему расписанию. 6.30 — кто-то из редакции (часто я) начинает чтение текстов. После этого бриффинг. 8.00 — приходят все журналисты и пишут в номер (пишу и я). До 11.30. Номер выходит в два часа дня. Остальную часть дня все (и я!) посвящают заданиям, полученным для следующего номера. В «Де ваархейд» около двадцати сотрудников, большинству из них около тридцати.

Нечего и говорить, как мне завидовали в школе! Многие попытались стать моими приятелями, но я-то знала, что они видят в моей истории такой шик. Но и мои друзья считали, что эта практика — настоящая удача.

Конечно, удача! Только что касается первой публикации — ее действительно особенно не правили. Но не потому, что она была блестяще написана. Просто у сотрудников редакции много других дел. И опубликована она была не из-за особых достоинств стиля — нужно было рассказать читателям о сборе денег для африканских детей. Так и началось мое практическое обучение. Я до сих пор помню, как я себя чувствовала, купив билет на концерт за пять гульденов. И как потом я быстро писала... Я до сих пор волнуясь, когда беру в руки свежий-свежий номер моего «Югд».

Я действительно оказалась в гуще главных событий. Движение протеста против ядерного вооружения стало таким широким, что наше правительство не смогло принять решения о размещении ракет на территории Нидерландов. Оно должно окончательно решить вопрос в декабре. Пока борьба не закончена. Сейчас в движении есть новый момент: солдаты отказываются обслуживать американское вооружение в нашей стране. У них уже есть своя организация, где они обсуждают эти проблемы. Нас становится все больше. Но новым молодым надо все объяснять заново. Ведь в школе история войны изучается мало. Надо постоянно говорить об этом.

Помните, я говорила о том, как несколько месяцев назад на городском рынке вдруг стали «свободно» продавать значки со свастикой. Человек 20—30 из нашей организации отправились туда. В Амстердаме среди городских властей есть коммунисты. С их помощью мы стали требовать запрещения такой торговли. Мы покрасили фашистские лозунги, появившиеся тогда на стенах домов, и организовали демонстрацию. Материал об этом появился в «Югд». У меня этот номер с собой.

Мне кажется, что угроза миру возрастает в капиталистических странах. Это, например, связано с ростом безработицы. Объясню. У нас семь процентов трудоспособного населения не имеют работы. Часто это молодые люди. У них нет работы, нет перспективы на будущее. Они начинают обвинять в этом иностранных рабочих, приехавших в страну на заработки. Я думаю, что это начало фашистских настроений. Расизм ведет к фашизму. Фашизм — это война. «Югд» много пишет о безработице.

— «Югд» — чисто политическое издание?

— Нет, конечно. «Югд» пишет обо всем. Например, о музыке. Но главная тема, конечно, политика.

— Почему «конечно»?

— У нас есть и другие молодежные издания, но они, как правило, ориентированы на отдельные группы молодежи. Есть журналы для служащих, рабочих. «Югд» для всех. Следовательно, он больше всего должен писать о главном. А главное — политика. Я повторяю: надо прежде разобрататься с войной и миром. «Югд» распространяется на демонстрациях — «Югд» стучится к людям.

— И ты теперь знаешь, как это надо делать?

— Барабанить. С тех пор, как я пришла в журнал, он изменился. До этого им занимался Марк Волтерс. Марку двадцать пять, он когда-то учился в институте, изучал историю, но бросил историю, которую надо учить по книгам, и занялся работой в Центральном комитете нашей молодежной организации. Когда журнал вел он, «Югд» носил больше теоретический характер, это был «очень серьезный» журнал, для специально заинтересованных читателей. Кроме всего прочего, у Марка просто не было времени подбирать различные материалы: он садился и писал политические статьи как историк. Марк теперь мне очень по-

Свидетельство очевидца: «Рядом со мной стояла девушка. Ударом дубинки по голове ее сбили наземь. Она кричала от страха и боли, а полицейские переступали через нее, уже не обращая внимания... На меня наседали молоденький полицейский, почти подросток. Я пытался образумить его, другие тоже пробовали втолковать полицейским, что зверствовать негоже. Вместо ответа полицейский обхватил моего друга за шею одной рукой, а другой стал крутить ему нос. Я видел, что полицейским весело, они забавлялись, избивая нас! До сих пор у меня перед глазами их ухмылки. Меня схватили за волосы, очки упали на мостовую и разбились. Я нагнулся за ними и получил удар дубинкой по голове. Вокруг творилось что-то невероятное. Закрывая голову руками, я кричал: «Хватит, не бейте!» Но они били и били».

Мне довелось услышать немало таких рассказов, пока я работал по заданию редакции над «горячей темой», которую и в печати, и в народе окрестили «войной бездомных». Семьи, остро нуждающиеся в жилье и отчаявшиеся найти его, самовольно вселяются в заброшенные, годами пустующие дома. Власть силой выдворяет их оттуда. Эта «война» бушует по всей Федеративной Республике Германии. Полиция с тревогой констатирует, что «зачинщиков» нет, а движение есть, широкое и стихийное.

В «Элане» я работаю с января этого года. Наш журнал издается организацией Социалистическая немецкая рабочая молодежь, и «характер» у него соответствующий — боевой, решительный, в общем, настоящий пролетарский молодежный журнал. Не зря он так называется («Элан» означает «порыв», «вдохновение». — С. Б.).

«Война бездомных» — моя первая серьезная проба пера в журнале. Вообще мне поручено вести темы, связанные с рабочей молодежью и профессиональным обучением. Почему я начал именно с «войны бездомных»? И молодые рабочие, и учащиеся тоже «воюют» с домовладельцами. Буржуазные журналы, газеты, телевидение стараются оболгать этих ребят, представить их хулиганьем, бьющим стекла. Кому, как не «Элану», взять их под защиту? Лично для меня и как журналиста, и как коммуниста, и как человека было важно вникнуть в психологию «войны бездомных». Я считаю, что, к каким бы результатам она ни привела (а прогнозы специалистов полны пессимизма), элементарный урок политграмоты она уже преподала многим и многим. Что это за общество, в котором свыше миллиона людей ютятся неизвестно где, в то время когда сотни тысяч квартир пустуют, потому что так выгодно кучке спекулянтов домами и земельными участками?! Мне хочется, чтобы как можно больше моих соотечественников задались этим вопросом. Для этого я должен показать им **безнравственность** создавшейся ситуации, **аморальность** тех, кто ее намеренно создал. Масштабы и драматизм событий таковы, что даже некоторые буржуазные журналы вынуждены в сочувственных тонах описывать мытарства семей, решившихся нарушить закон (да еще какой закон — священной частной собственности!), не забывая при этом бросить камень в «длинноволосых бузотеров».

Я родился и рос в рабочей семье. Сам рано пошел работать. Бороться за правду хотел, но не знал как. Я и учебу-то продолжал не только потому, что тянуло учиться. Мог бы бросить — лишние деньги ни мне, ни семье не помешали бы. Но продолжал, пока не получил аттестат, дающий право поступить в высшую школу. Это было вроде вызова: думаете, раз из рабочей семьи, значит, смирюсь с судьбой? Врете! За время, что был в подмастерьях, насмотрелся всякого. И как ученики вместо учебы выполняют черную работу, и как за малейшее проявление недовольства их выбрасывают на улицу. А это самое страшное — ведь за воротами полтора миллиона безработных. Накипело, готов был в драку, но с кем, с помощью чего?

Мне очень повезло в жизни. Я познакомился с интересным человеком, ветераном компартии Карлом Вюстовом. Он живая история нашего рабочего движения, в молодости дружил с Эрнстом Тельманом.

Я не раздумывая вступил в компартию. Если в ней состо-

ВОЙНА

Рассказывает Лотар ГАЙСЛЕР (корреспондент журнала «Элан», ФРГ)

ит такой человек, как Вюстов, значит, партия что надо, а всякие гадости, которые о ней пишут газеты, — вранье. Конечно, рано или поздно я все равно пришел бы к коммунистам. Знакомство с Вюстовом только ускорило события. Уже в партии я начал серьезно изучать марксизм. Тогда и пришло решение заняться журналистикой. Я хотел, чтобы как можно больше моих сверстников задумалось над вопросом, с которого началось мое собственное прозрение: о несправедливости буржуазного общества в целом, а не отдельных его индивидов вроде тяжелого на руку мастера или проворовавшегося банкира. «Война бездомных» — как раз такая тема, которая позволяет во весь голос крикнуть: смотрите, люди, как одни вас обкрадывают, а другие, которых вы так демократично избрали своими представителями в органы власти, становятся на их сторону против вас, — это и есть демократия?!

Мы работали целой бригадой, побывали в нескольких городах. Видели свежеекрашенные дома, на которых размашисто написано: «Занят!» Видели дома, в которых выбиты все стекла, стены в копоты от пожара, разрушены перекрытия. Это значит, что хозяин оказался проворнее. Ночью пригнал бригаду с заданием попортить дом так, чтобы в него никто не мог вселиться. Губить собственное добро — абракадабра? Нет. Домовладелец хочет выждать, пока не подскочит цена на земельный участок, и выгодно сбить его компании, которая возведет на этом месте многоэтажный офис или жилой дом, в котором квартплата будет в два-три раза больше. А для этого надо сначала «освободить» землю от людей и добиться разрешения от

БЕЗДОМНЫХ

городских властей на снос дома как непригодного для жилья.

Некий Хайнц Руперт владеет в Гамбурге тридцатью шестью домами и уже больше десяти лет держит их пустыми, ждет, когда совсем сгниют. И с ним ничего невозможно поделаться! Руперт ссылается на 14-ю статью конституции, которая гласит: «Собственность и право наследования гарантируются законом». Причем следующая же фраза этой статьи уточняет: «Собственность обязывает. Ее использование должно служить благополучию общества». Пустой звук! Таких, как Руперт, это уточнение ни к чему не обязывает.

Между прочим, у человека, незнакомого с нашей действительностью, может сложиться впечатление, что все не так плохо. Наоборот, получается, что людей принуждают переезжать в новые благоустроенные дома, а они упрямятся. Мистика, да и только. Но, во-первых, цены за квартиры в новых домах для многих просто недостижимы. А во-вторых, их строительство в последние годы не росло, а, наоборот, резко сократилось.

В городе Изерлоне на Фридрихштрассе, 65, мы разговаривали с 17-летним Мартином, мечтающим стать художником по интерьеру. «Квартир в нашем городе не хватает, это все знают,— сказал он.— А здесь, в самом центре, пустовал этот дом. Да какой дом! Старинный, красивый. В нем еще лет сто жить да жить. А его решено на слом. Мы целой толпой в городскую управу: сдайте дом, поживем хотя бы временно, до сноса. От ворот поворот. А на следующее утро видим: стекла в доме выбиты, двери замурованы. Это ночью было проделано. Чтобы дом побыстрее загубить, но

нам не отдать. Разве не свинство? Тогда мы и вселились в него».

Таких самовольных новоселов называют словом Instandbesetzer. В словарях его пока нет. Оно образовано из двух глаголов: «ремонттировать» и «занимать». Люди покупают в складчину обои, краску, оконное стекло и на свой страх и риск приводят в порядок здание, которое заранее присмотрели. Месяцами они за свой счет после работы ремонтируют квартиры, заменяют электропроводку, проржавевшие трубы, вставляют стекла, красят двери, штукатурят фасад.

В Бохуме несколько десятков людей, в основном студенты и молодые рабочие, заняли дом на Бергштрассе, 115. По квартирам соседних домов они разнесли листовку, объяснили, что их толкнуло на этот шаг, просили помочь обжить их «новый дом». И соседи принесли им стулья, столы, кухонную утварь, даже цветы. Взаимопонимание полное. В Бохуме жилье ищут примерно десять тысяч человек, а пятьдесят вполне приличных домов пустуют.

Во Фрайбурге мы наблюдали такую сценку в одном из «оживших» домов. В комнату, которая служила общей столовой, вошла старая женщина, живущая по соседству. У порога она наткнулась на детей, тут же открыла сумку и стала вытаскивать кастрюльку с картофельным салатом, фрикадельки, хлеб: «Ешьте на здоровье». Повернулась и ушла.

Молодежь иногда занимает пустые дома не просто потому, что негде больше жить. Негде проводить свободное время — вот еще одна проблема. Сколько охают наши газеты и городские власти по поводу «длинноволосых», которые слоняются по улицам, не зная, куда приткнуться. Отсюда, мол, и наркомания, и растущая преступность. Но вот молодежь сама, не получив от властей ни пфеннига, решает проблему «культурного досуга». Как на это реагируют власти?

Город Детмольд, здание бывшей типографии «Клингенберг». Здесь в один прекрасный день загрела музыка, зазвучали голоса — открылся «молодежный центр культуры и досуга». Молодежь сделала все сама, здание отремонтировали добровольцы. Народ потянулся в самостоятельный «центр». Тут можно было послушать лекцию, принять участие в дискуссии на острую политическую тему, посмотреть любительский спектакль, просто поболтать с друзьями за чашкой кофе или потанцевать.

Мы специально привели в «Элане» выдержки из еженедельной программы «центра». Вот какой «крамолой» здесь занимались. Понедельник: 16.00 — собрание женской секции; 18.00 — акция в помощь безработным. Вторник: 20.00 — антивоенный митинг. Среда: 15.30 — урок игры на гитаре для начинающих; 20.00 — кружок живописи и рисунка. Четверг: 20.00 — информация о событиях в Сальвадоре. Пятница: 20.00 — концерт. Суббота: 15.00 — спектакль.

«Центр» стал популярен. И тогда герр Штих, один из «отцов города», забеспокоился и сказал: «Раз уж из-за пустующих домов разгорелась такая борьба, нетрудно себе представить, что разразится, если я в один прекрасный день должен буду снести обновленный и заново обжитый дом». Поэтому решено было немедленно очистить бывшую типографию от «безетцеров», то есть вселившихся без дозволения. «Противник» насчитывал 85 душ. Герр Штих бросил в атаку 540 полицейских. Операция была проведена решительно и закончилась полным успехом. «Молодежный центр культуры и досуга» в Детмольде ликвидирован...

Во Фрайбурге жилье ищут 14 тысяч человек. Пустых домов десятки. В один из них, массивный, старинный трехэтажный дом, вселились бездомные. Отремонтировали, подновили фасад. И тут нагрянула полиция. Как действовали «стражи порядка», понятно из рассказа очевидца, приведенного мною в самом начале.

«Безетцеров» одних расшвыряли, других увезли в полицейский участок, а затем пошли в дело чугунные чушки и бульдозеры.

Город возмутился. На следующее утро 10 тысяч человек вышли на демонстрацию. Полиция перегородила улицы

и площади. Родился грустный каламбур: Фрайбург-Полицайбург. («Фрай» по-немецки «свободный».)

На стороне властей и домовладельцев сила. Бездомные «безетцеры» полагаются только на свое упорство и поддержку общественности. И все-таки несколько боев они уже выиграли.

Городской сенат Гамбурга решил предоставить семь старых домов в распоряжение тех квартиросъемщиков, которые согласны отремонтировать их своими силами. Мы привели в «Элане» и такой факт. Десять лет молодежь Мюльхайма обивала пороги городских учреждений, требуя создать культурный центр. Безрезультатно. Тогда группа активистов заняла пустовавшее помещение, в котором когда-то был кинотеатр. Центр начал действовать, и власти согласились по крайней мере отложить срок сноса здания.

Мы решили, что картина не будет полной и вполне понятной, если не узнать мнение другой «воюющей стороны». Юргену Поморину и мне было поручено взять интервью у кого-нибудь из тех, кто наживаетеся на жилищном кризисе. Нам и самим хотелось понять психологию этих людей. Нас принял крупный маклер, домовладелец и миллионер Гюнтер Эрнст.

Не слишком громко я его представил? Ведь ему от роду... тридцать три года. Худощавый, улыбочивый, обходительный молодой человек. К названию нашего журнала он отнесся равнодушно. Даже не спросил, какую организацию или партию мы представляем. Он был слишком уверен в себе.

В апреле 1978 года Гюнтер Эрнст вступил во владение домом номер 24 по Фрауэнштрассе в Мюнстере. Дом тогда уже был занят самовольными квартирантами, но это не отпугнуло Эрнста. Дом продавался с молотка. С Эрнстом вздумало тягаться некое «общество по сохранению дома на Фрауэнштрассе, 24». Пайщики «общества» — сами квартиранты и студенческий комитет Мюнстерского университета — смогли наскрести 325 тысяч марок. Эрнст, снисходительно усмехнувшись, выложил на 50 тысяч больше. Он, не стесняясь, сказал нам, что сразу принялся всеми способами выживать «безетцеров» из своего дома (пока безуспешно). А дом очень хорош. Старинной постройки, с эркерами, затейливыми балкончиками, мансардой. Жильцы его весь снаружи и изнутри обновили. Картинка! Но жильцы связывают Эрнсту руки. Он битых полчаса доказывал нам, как невыгодно владеть таким домом. Слишком, мол, низкая квартплата, не окупает даже расходов на покупку самого дома. Так продайте его, посоветовали мы.

Эрнст улыбнулся наконец. Ему была потешна наша наивность. «А что, мне как раз предлагают за этот дом 765 тысяч марок, — сообщил он. — Неплохой был бы гешефт, а? Ведь с момента покупки прошло всего два года с небольшим. Причем учтите, что эти деньги не облагаются налогом как полученные в результате сделки с недвижимостью. Но слушайте дальше, господа! Если я подожду год, то смогу заломить еще большую цену. Уже сейчас в городской черте Мюнстера никто вам не продаст участка».

Он взял авторучку, что-то быстро подсчитал и вывел итог: 500 тысяч марок. Его барыш за два с половиной года только на одном доме. Глаза у Эрнста блестели, как у ребенка, получающего рождественский подарок.

— Ну и что же ощущает человек, который так вот богатеет, не ударив палец о палец? — спросили мы.

Эрнст попросил уточнить вопрос. Мы уточнили: не говорил ли ему кто-нибудь, что это паразитизм, то есть нажива за счет других? Нет, такого ему никто не говорил. Он был сбит с толку, молча теребил лацкан пиджака. Но недолго. Взял себя в руки и произнес речь во славу маклеров и спекулянтов.

— Спекуляция — это здоровый фактор хозяйственной жизни. Она расшевеливает экономику. Сейчас ею все пользуются.

— Но как быть с квартиросъемщиками, которые из-за чьей-то спекуляции окажутся на улице?

— Они попадут позднее в комфортабельные квартиры, о которых наверняка мечтают.

— Им же такие квартиры не по карману.

Эрнст поднял руки, словно священник на проповеди, и изрек:

— Каждый может заработать столько, сколько пожелает. Даже вы могли бы заработать миллион, если бы пожелали. Вы просто не хотите заработать миллион. И слава богу, что не каждый этого желает. Нам ведь нужны и простые рабочие.

Мы ответили, что не имеем ничего против, если он подскажет, как заполучить миллион. Эрнст расхохотался:

— Если я придумаю такой способ, с какой стати мне вам его раскрывать? Я и сам с удовольствием сделаю себе еще один миллион. Держите глаза открытыми. Деньги валяются на улице. Надо только знать, где... Я мог бы бросить дела хоть сейчас и жить на ренту. Кусок земли, на котором мы сейчас беседуем, стоит полтора миллиона марок. А у меня еще несколько домов.

Зачем же он треплет себе нервы из-за этого «общества сохранения дома»? Продавал бы ему этот проклятый дом, и кончено.

— Что мне лишние пара марок? — Эрнст вложил максимум пренебрежения в эту фразу. — Я рассматриваю это дело вроде как защиту своей спортивной чести. Каждая сторона отстаивает свою правоту. Я должен утвердить свой верх над этими буянами.

«Спортивная честь» одного Гюнтера Эрнста и судьба двадцати одного квартиросъемщика — нравственно ли такое противопоставление?

Тут Эрнст беспощаден:

— Власти зря цацкаются с этими дебоширами и радикалами. Вступают в переговоры, а тем того и надо. Получается, что они действуют в рамках закона. И вот зараза распространяется: Гамбург, Геттинген, Мюнстер. Наши политики слишком мягкотелы. Я всегда говорил: надо быть последовательным. Чуть что, ультиматум: выметайтесь!

Не так давно он провел ночную операцию, чтобы продемонстрировать свою решимость изгнать квартирантов и снести дом. Посланные им люди разломали пристройку во дворе. Двери дома они заперли снаружи, чтобы жильцы не смогли сорвать операцию. Один настырный все же выскочил из окна и попробовал вмешаться, но получил молотком по рукам.

— Правильно, не лезь, когда люди работают, — прокомментировал Эрнст.

Одна из блестящих идей молодого миллионера — обзавестись собственным «отрядом разрушения домов». Такой отряд мог бы профессионально атаковать, захватывать и сносить дома: Ах, сколько домовладельцев захотели бы воспользоваться услугами этих «коммандос»! Вот они, деньги, на дороге. Но пока что Эрнста останавливают кое-какие юридические опасения. «Когда десятки клиентов будут приходить на поклон, вполне возможно, что один из них не удержит язык за зубами. И тогда пиши пропало».

Под конец нашего более чем откровенного разговора речь зашла о жестокости полиции во время операций по изгнанию жильцов из занятых ими зданий. Эрнст сказал:

— Раз видишь, что опасность рядом, и не уходишь, значит, нечего жаловаться, если тебе достанется.

Видно, молодой миллионер забыл, что эта нехитрая формула применима к нему самому. Опасность была рядом: наш диктофон, лежавший перед ним на столе. Эрнст спохватился, когда номер «Элана» с этим интервью уже вышел из печати. Он примчался в редакцию злой как черт. Требовал назад пленку, шумел...

Историю подхватили газеты. Откровения маклера лишней раз компрометировали христианско-демократическую партию, в которой Эрнст деятельно сотрудничал. Ему пришлось оставить выборную партийную должность и, значит, попрощаться (во всяком случае, на время) с мечтой, которой он поделился с нами и, естественно, с читателями, — совершить «прыжок в большую политику», стать когда-нибудь военным министром.

Как видите, хоть одному спекулянту «Элан» прищемил хвост. А главное — удалось показать истинное лицо одного из тех, кто выкормлен и кормится нашей «свободной демократической» системой.

Записал С. БОРИСОВ

1974 год. Разгон демонстрации протеста против режима «черных полковников».

СЛОВА, КРЕЩЕННЫЕ В ОГНЕ...

Интервью с Никосом АТАНАСАКИСОМ [редактором журнала «Агонистис», Греция] и Стелиосом ХАДЖИДАКИСОМ [редактором журнала «Одигитис», Греция]

Политическая песня — это не набор зарифмованных лозунгов. Это прежде всего хорошая песня. Даже нет, это большое искусство, — сказала певица.

— Порой во имя политики мы делаем плохую политику в искусстве. Излишняя простота или упрощенчество — это та легкость, до которой не снисходит подлинное искусство. Языком поэзии мы можем говорить обо всем. Служи, друг, нашей любимой поэзии, которая способна, даже рыдая, дарить человеку радость и опору, — написал один поэт другому.

— У нас, прошу поверить, каждый второй пишет стихи.

Композиторы и поэты выносят на суд широкой публики иногда очень сложные произведения, не боясь, что их не поймут, — подтвердил журналист.

Так, пожалуй, можно очертить тему интервью со Стелиосом Хаджидакисом, главным редактором журнала «Одигитис» («Вперед»), издаваемого Коммунистической молодежью Греции (КНЕ), и Никосом Атанасакисом, главным редактором журнала Молодежи Всегреческого социалистического движения (ПАСОК) «Агонистис» («Борец»). Хорошо бы, подумалось, в разговоре участвовали, пускай заочно, и те, о ком идет речь, — деятели прогрессивного искусства Греции. Тем более что пишущий эти строки беседовал на последнем международном молодежном фестивале песни «Красная гвоздика» в Сочи с известной греческой певицей Марией Димитриади. (Это с ее высказывания о политической песне начинается интервью.) А современные греческие поэты издаются у нас так широко, только выбирай. Выше были приведены слова (из письма товарищу по оружию и перу Петросу Антеосу от 13 мая 1958 года ¹) самого, наверное, любимого в Греции из ныне живущих поэтов, стихи которого и читают и поют, — Янниса Рицоса.

Основная мысль, высказанная собеседниками, ясна: высокая, даже, точнее, повышенная требовательность прогрессивных деятелей искусства Греции к своему творчеству и их уверенность в культурной зрелости массовой аудитории. Мысль-то ясна, но она не столь проста, как может показаться на первый взгляд.

¹ Антеос приводит это письмо в своей поэме «Последняя встреча», написанной в 1968 году и посвященной Рицосу, который в то время находился в концлагерях на островах Юра и Лерос. — Здесь и далее примеч. ред.

ГЕРАКЛ И МЫ

Илья Эренбург писал: «Нелегко человеку нести чересчур громкое имя: ветеринар Сервантес, геолог Рембрандт, агроном Достоевский порой испытывают на себе насмешливые взгляды товарищей. Огромное прошлое Греции часто мешает чужестранцу увидеть современных греков. Народ для него превращается в зрителя музея... Почему чужестранцы не заглянут в современные книги? Они найдут в них продление того, что их восхищает в поэзии древних греков».

Конечно, современное искусство Греции вынуждено считаться с постоянным присутствием сияющего ореола античности. Но этот ореол не может затмить те особенности национального гения, которые присущи как памятникам прошлого, так и творческой жизни живого народа.

Две тысячи четыреста лет назад Эсхил создал образ Прометея, бросившего вызов богам и пошедшего на муки за свою безмерную любовь к людям, «самого благородного святого и мученика в философском календаре», как сказал о нем Маркс. (Предисловие к своей докторской диссертации молодой Маркс закончил цитатой именно из «Прометея прикованного».) Когда же над Элладой нависла угроза неволи, автор «Прометея» взял в руки копье и отважно защищал родину от захватчиков. В автоэпитафии, надписи для могилы, он говорит о себе как о воине, а не как о драматурге.

Сто шестьдесят лет назад Греция восстала против османского владычества. «Страна героев и богов расторгла рабские вериги», — писал Пушкин. Война длилась семь лет. В ее огне и крови родилась поэзия Соломоса¹ и Кальвоса².

Сорок лет назад многие греческие писатели, поэты, композиторы пришли в антифашистское Сопротивление.

Греки верят в своих поэтов, а поэты верят в себя и в Грецию. «Не запирайте ее в музеи для поклоненья — последнюю песню свою она еще не пропела», — писал в 1929 году патриарх современной греческой поэзии Костис Паламас³.

— Народ свою душу, свои переживания изливает в песне, в танце, — говорит Никос. — Недаром лучшие песни и стихи рождались в самые тяжелые времена. «Гимн Свободе» Соломоса стал национальным гимном Греции. В 1943 году, в разгар войны, его пели сотни тысяч людей, собравшихся на похороны Костиса Паламаса: «Узнаю клинок расплаты, полыхающий грозой, узнаю твой взор крылатый, охвативший шар земной! Доблесть древнего народа, возродившаяся вновь, здравствуй, гордая Свобода, здравствуй, эллинов любовь!»⁴ Над раскрытой могилой прочитал свое стихотворение, зовущее на бой с врагом, Сикельянос⁵. В годы Сопротивления, затем в период борьбы против диктатуры «черных полковников»⁶ свои самые значительные поэтические произведения создали Сеферис и Элитис⁷, Варналис и Рицос⁸. Нам эти люди близки и дороги, их стихи и песни считаются народными наравне с теми, которые родились в самом народе и чье авторство неизвестно.

¹ Дионисиос Соломос (1798—1857) считается родоначальником новогреческой литературы.

² Андреас Кальвос (1792—1869) воспел в своих одах национально-освободительную революцию 1821 года.

³ Костис Паламас (1859—1943) — поэт, чье творчество во многом предопределило пути художественного поиска в греческой поэзии конца XIX — начала XX века. Перевод А. Тарковского.

⁴ Ангелос Сикельянос (1884—1951) — выдающийся греческий поэт.

⁵ Реакционная военищина, совершившая переворот при поддержке внешних империалистических сил в апреле 1967 года. Правила до июля 1974 года.

⁷ Георгос Сеферис (1900—1970) и Одиссеас Элитис (род. в 1912 г.) — лауреаты Нобелевской премии в области литературы и искусства.

⁸ Костас Варналис (1884—1974) и Яннис Рицос (род. в 1909 г.) — лауреаты международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

— И их же мы включаем в понятия «политическая песня», «политическое искусство», — это говорит Стелиос. — Как видите, современную греческую политическую песню вряд ли можно более или менее четко отграничить от народного творчества, с одной стороны, и классики — с другой. Все три направления сплетены, слиты воедино. Наверное, иначе и не могло быть, учитывая и древние традиции, и события новейшей истории. Наши поэты и музыканты всегда были голосом самого народа, потому что страдали и боролись вместе с ним.

Слово Марии ДИМИТРИАДИ:

— Я не боюсь выходить к массовой аудитории с самыми сложными произведениями. А наши поэты любят и умеют писать причудливо, когда не сразу поймешь, где реальность, а где фантастический поворот мысли. И музыка под стать стихам. Теодоракис¹ — это ведь не только зажигающие ритмы и сами собой запоминающиеся мелодии. Его кантаты на слова Рицоса или Элитиса — очень серьезная музыка, тонкий синтез народного, классического и современного искусства, и не всякий это поймет. Как быть? Отказаться от исполнения сложной вещи перед «простой» аудиторией? Выйти с электрогитарами, электронными синтезаторами и такими же электронными песенками? Вот тут-то меня бы и освистали! Нет, я не боюсь за «неподготовленного» слушателя. Лучше, если надо, объясню сначала, что хотел сказать поэт, как его понял и выразил композитор. Так было, например, когда я пела перед рабочими стихи Брехта, положенные на музыку Микруцикосом. И рабочие их поняли и приняли. Когда стоишь лицом к лицу со зрителями, чувствуешь это безошибочно. Певец должен вести аудиторию за собой, а не гнаться за легким успехом с помощью облегченных текстов и ритмов...

Мария Димитриади одна из лучших греческих исполнительниц в жанре политической песни. И как раз ее творчество убеждает, как нерасторжимо истинно политическое искусство с фольклором и классикой. Сейчас Марию увлекла идея синтеза огромного хора и театрального представления. Спела в «Троянских женщинах» Эврипида, в театрализованной пантомиме под «Кантату о Макронисосе»². Огромные толпы сходятся на эти грандиозные представления под открытым небом. Как и тысячелетия назад... Для современного греческого зрителя комедия Аристофана или трагедия Эсхила не экзотика, а очень понятная и близкая жизнь.

Рассказывают, как еще в 1927 году поэт Сикельянос поставил в древнем городе Дельфы «Прометея прикованного». Дельфы окружены скалами, а в небе неизменно реют орлы. Не надо никаких декораций. И вот когда Прометей начал проклинать тиранию Зевса, разразилась подлинная, не бутафорская гроза. Туристы поспешно убежали под навесы, а крестьяне в восторге аплодировали раскатам грома.

Столь же причудливо, но гармонично сочетаются жизнь и память о прошлом в искусстве современных греков. И сравнение с блистательным прошлым их не смущает. Они пронесли свое честное имя и убеждения сквозь такие муки, которые и не снились иным героям Олимпа. Вот Яннис Рицос, любимец греческой молодежи. Обаятельный, скромный человек (вы могли его видеть, он приезжал в Советский Союз в прошлом году и сказал несколько слов по телевидению). В 30-е годы фашисты сжигали его книги на площадях Афин. В 50-е судили за перевод «Двенадцати» Блока. В 40-х и 60-х он томился в концлагерях на «островах смерти», писал на клочках бумаги стихи и закапывал их в землю. (В это же время Теодоракис в другом концлагере закапывал листочки с нотами, для которых еще не было слов. Позднее слова и музыка нашли друг друга, и родились песни.) Воистину «в нем трепещет душа тридцати столетий», как сказал П. Антеос.

¹ Микис Теодоракис (род. в 1925 г.) — выдающийся греческий композитор.

² Остров в Эгейском море, где после второй мировой войны был сооружен концлагерь для политзаключенных.

могает,— читает и порой редактирует политическую часть редакционного портфеля, поскольку он очень умный.

А я сразу захотела сделать так, чтобы «Югд» был понятен многим и интересен. Это тоже ведь политика. Я взялась за композицию номера, шрифты. Мне теперь даже иногда помогают профессиональные художники, мои друзья, они коммунисты, конечно.

Теперь журнал уменьшился вдвое по формату и вдвое увеличил число страниц — стал похож на журнал, а не на газету, как было прежде. Но я должна сказать, что в нововведениях не было моего личного произвола. До того как вышел первый «мой» номер, прошло большое обсуждение перемен, предлагаемых мной. Я предложила сделать **бесподобный** журнал. То есть чтобы ему не было подобных. Почему на демонстрациях люди берут открытки с изображением нейтронной бомбы и антивоенным текстом? Прежде всего они бросаются в глаза. «Нет,— возразили мне,— просто разговор о бомбах важен для всех». — «Но еще и потому, что они бросаются в глаза», — настаивала я.

(Нужно ли вам здесь объяснять, чем вреден человек, захлопнувший дверь? Свастика — это страшно. Чем страшен он? Когда фашизм поднимает голову, мы действуем. Но кто он — за дверь? Как его вовлечь в дело, важное для него самого? «Что, опять бомбы? Вы с ума сошли!» — И он захлопывает дверь. Мои пассивные однокурсницы тоже из таких.)

Мой журнал должен быть для них тоже. Тогда нам, может быть, удастся им кое-что объяснить.)

— Хорошо,— сказали мне,— тогда предлагай свою программу журнала. Ты у нас журналист.

...Ну кое-чему все-таки я научилась в школе!

«Югд» живет в старом доме в центре Амстердама. Мы переехали прошлым летом, и здесь хорошо. Я завела расписание — оно не такое строгое, как в «Де ваархейд», конечно. Утро я начинаю с чтения газет и материалов, присланных из всех уголков страны. В «Югд» пишут теперь много.

Интервью провела Н. НИКОЛАЕВА

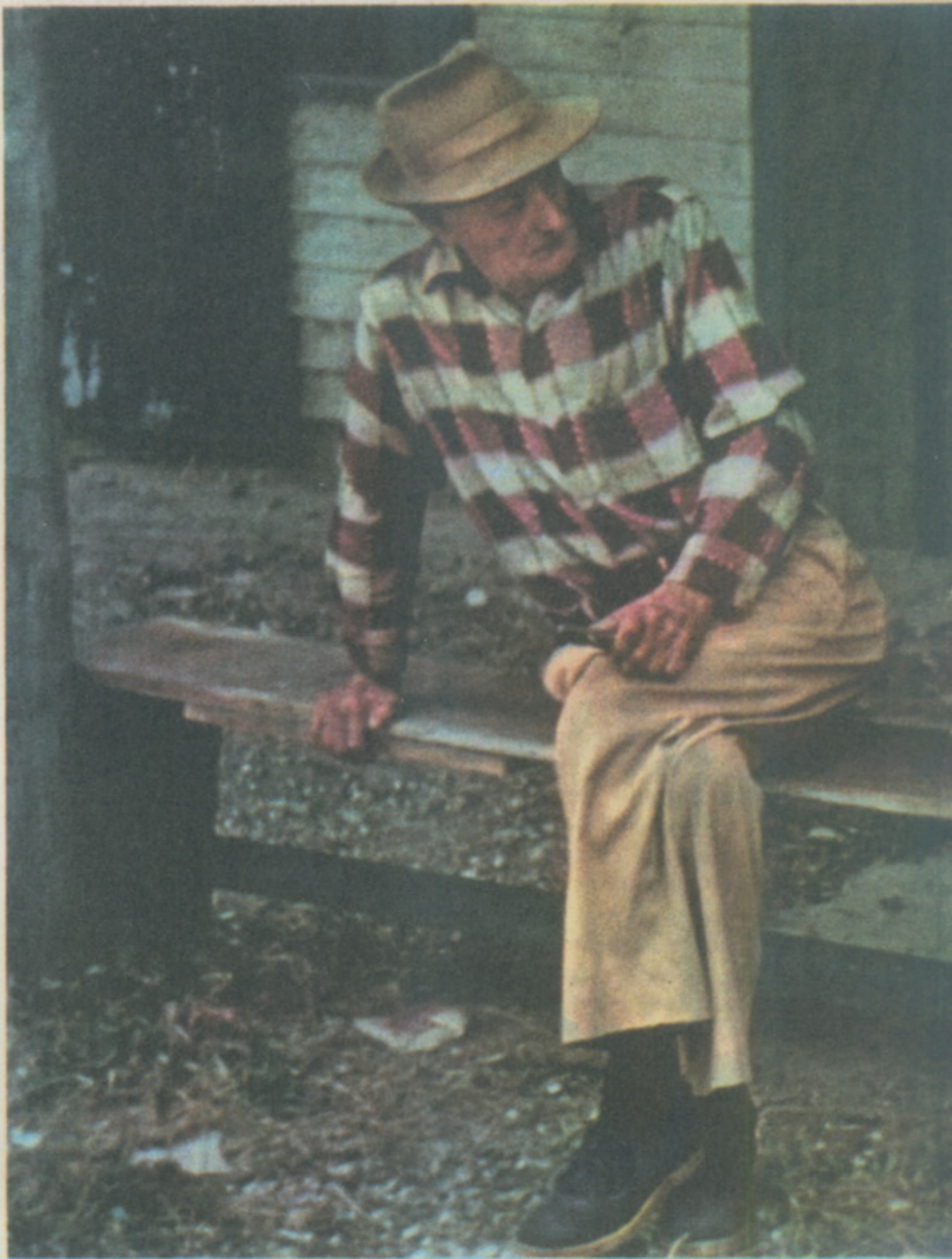
ЧЕРНЫЕ ДНИ

Джеймс БОЛДУИН,
американский писатель

Я начал познавать, что есть жизнь, в семь лет. Был разгар Великой депрессии, и наука эта приходила ко мне через тяжкие испытания. Быть черным неизбежно значило противостоять и приспособливаться — условие, выработанное самим ходом истории. Быть белым неизбежно значило принять за истину заблуждение, именуемое белым превосходством. И в самом деле, не обратившись к истории, даровавшей белым людям Америки осознание себя как члена определенного сообщества (или лишившей их его?), человек, называющий себя белым, вряд ли сможет понять, о чем, собственно, толкуют эти черные. Или понять, что стоит за словом «воспитание».

Когда мы являемся в этот мир, никто из нас — и черных и белых — не умеет ходить. Никто не знает, как открыть окно или отпереть дверь. Никто не способен подняться по лестнице. Никому не ведомы печальные последствия падения из окна шестого этажа. Никто не представляет себе опасности игры с огнем. Так же, как никто не умеет водить танк или самолет, бросать бомбы или сажать деревья.

Всему этому нас надо научить. Всему этому мы должны научиться. И неизбежная плата за науку — осознание собственного незнания. Можно пойти дальше и уточнить — и это подтвердит любой ученый, любой творческий человек,— что чем больше узнаешь, тем меньше

знаешь. Но это означает также, что ты начинаешь смиряться с мучительной загадкой собственного существования и даже способен находить в этой загадочности радость.

«Что происходит,— спрашивал негритянский поэт Ленгстон Хьюз,— с отложенной в долгий ящик мечтой?» Что происходит, можем мы спросить, если реальность приходит в противоречие с воображением? Большинство белых людей нашей страны превратились в лунатиков, и их сомнамбулическое состояние сказывается на политике и политических деятелях США. И этим отчасти объясняется, почему негры, которым пришлось пройти такой долгий путь по пыльным дорогам Америки и пролить столько крови, чтобы получить право голоса, теперь отказываются голосовать.

Воспитание вершится в определенной окружающей среде и с вполне определенной целью. Об окружающей среде говорят редко, а цель редко когда выражима просто словами. Но воспитание никогда не бывает бесцельным и не может твориться в вакууме.

Я пошел в школу в Гарлеме много-много лет назад, в пору великого бедствия общества и отдельных личностей. И все же я был в чем-то счастливее нынешних детей Гарлема. Это было в тридцатые годы, вскоре после краха на фондовой бирже¹. Моя семья жила на Парк-авеню, как раз над железнодорожным полотном. И бедность времен моего детства отличалась от бедности сегодняшней тем, что перед нашими глазами не маячил экран телевизора, заставляющий проводить невыносимые сравнения между комнатой, где ты сидишь, и комнатами, на которые ты смотришь, Нам не твердили беско-

¹ В 1929 году на нью-йоркской фондовой бирже резко упал курс ценных бумаг.— Примеч. ред.

нечно, что следует носить, пить, покупать... Мы знали, что бедны, но тогда и все вокруг нас тоже были бедны.

Крах биржи не оказал почти никакого влияния на жизнь нашей семьи. Мы никогда не делали денежных вкладов, и нам не приходилось бояться фальшивых утешений маклера, принесшего весть о разорении. Биржа была частью того безумия, которое, казалось, всегда владело белыми людьми и всегда приводило их к одинаковому концу. Они рыдали, стрелялись и бросались из окон. «Что ж, таковы все белые», — было презрительное суждение моего отца, и мы переняли эту реплику у него и не испытывали жалости. «Что посеешь, то и пожнешь», — мрачно говорил отец, уходя на фабрику и унося с собой сверток с обедом. Мы с братом несли такие же свертки в школу, а чуть позже — на улицу, где чистили ботинки и продавали хозяйственные сумки. Мать ходила убирать квартиры белых леди.

Один миг из тех лет я помню до сих пор и, видимо, буду помнить всегда. Мы голодали тогда, и по всей стране люди голодали. А тут я увидел фотографию на развороте газеты «Дейли ньюс», где были запечатлены американские фермеры, уничтожающие свиные туши и выливающие молоко на землю, чтобы поднять (или удержать на достаточно высоком уровне) цены на эти продукты. Я был слишком мал и не мог понять в этом ничего, кроме одной очевидной вещи: людей заставляли умирать голодной смертью ради получения денег.

Можно сказать, что раздумья по поводу этой фотографии стали переломным моментом в моем воспитании; но началось оно, должно быть, задолго до этого и определило мою реакцию на увиденное. Мое воспитание, как и воспитание любого человека, началось с общения с окружающими меня людьми, которые несли ответственность за мою жизнь, формировали меня. Эти люди по-своему любили меня, и я любил их по-своему. Этим лю-

дям я невольно подражал, их я порой обманывал (лишь позднее осознаешь, что обмануть можно только себя самого, не других).

Говоря, что я был счастливее сегодняшних детей Гарлема, я намеренно делаю крайне опасное заявление. Заявление, по поводу которого мне просто не терпится высказаться. Черный мальчик, родившийся в нью-йоркском Гарлеме в 1924 году, появлялся на свет в семье бывших южан, которые лишь недавно вынуждены были покинуть свою землю. Другими словами, он рождался в общине тех, кто еще помнил о рабстве. И каждый взрослый в этой общине нес безусловную ответственность за каждого ребенка. Любой взрослый, увидев, как я проказничаю, мог по своему усмотрению хорошенько отлупить меня (что и случалось нередко), а потом отвести к родителям и рассказать им, за что он наказал меня. Родители поблагодарили бы его и, в свою очередь, снова отлупили бы меня.

Постепенно я учился уважать окружающих меня взрослых. Я имею в виду именно уважение, а не страх. Ибо, несмотря на самый отчаянный рев, ребенок способен понять, чего хочет рука, ударившая его: помочь или обидеть. Ребенок чувствует, когда его любят. И чувство доверия ко взрослым постепенно проявляется в его поведении — это и есть первые плоды воспитания.

Каждый человек с момента своего рождения начинает подвергаться воздействию цивилизации. Поскольку все мы появляемся на свет абсолютно беспомощными, не способными ни прокормиться, ни передвигаться с места на место без посторонней помощи (а помощь — это всегда в какой-то степени жертва со стороны помогающего), избежать подобного воздействия нельзя. Но это как бы цивилизация с маленькой буквы. Цивилизация с большой буквы означает нечто совсем другое. Точно так же и воспитание отличается от Воспитания. В первом случае имеется в виду познание системы взаимоотношений, обычно существующих между людьми. Во втором случае речь идет о намеренном воздействии на личность со стороны государства. Иначе можно сказать, что мой отец, мать, братья, сестры, любимые, друзья, сыновья и дочери цивилизуют меня отнюдь не так, как это делает государство. И опыт, который я могу обрести, проведя полдня перед картинами Пикассо или сводив в кино одного из моих племянников, вовсе не совпадает с тем, что подразумевает под Воспитанием государство.

Я помню, как сильно изменилась для меня действительность, когда я пошел в школу. Мать спросила меня однажды об одной из учительниц, белая она или «цветная». Я ответил, основываясь только на своем детском восприятии, что учительница «немножко «цветная» и немножко белая». Мать посмеялась. Учительница тоже. Не представляю себе, как могла бы она среагировать на подобный ответ сегодня. В сущности, в моих словах было куда больше жестокой правды, чем я мог предположить. Но я не был ни наказан, ни унижен за невольное проникновение в тайну страданий фолкнеровских героев.

В пору моего детства в Гарлеме жили не только негры. Лишь во время второй мировой войны он стал превращаться в сугубо негритянскую общину. Отчасти эта перемена связана со взаимоотношениями черных и белых солдат, которых призвали служить под общие знамена. Отношения эти были столь напряженными и непостоянными, что, хотя и считалось, что все солдаты равны, в свободное от военных учений время их предпочитали держать порознь. И Гарлем, официально или нет, стал запретной зоной для белых военнослужащих.

Военное время принесло и другие перемены в жизнь Гарлема. Вторая мировая война покончила с Великой депрессией, бросив Америку в объятия военной экономики. Мы и до сих пор пребываем в них, и нас слегка смущает лишь сложность официального объявления третьей мировой войны. Но, к несчастью, было бы желание, а путь к его осуществлению почти наверняка найдется.

Когда я рос, по всему Гарлему были рассеяны финны,

евреи, поляки, индейцы, представители других национальностей. И всех нас часто можно было видеть за общей пятнадцатичентовой трапезой в одной из гарлемских благотворительных столовок. Я принимал тогда активное участие во всех кампаниях «итало-эфиопской войны», которая велась против сына итальянца — торговца фруктами и овощами, жившего в соседнем доме. Мы проиграли эту войну. Иначе и быть не могло. Ибо наш противник уже тогда слишком хорошо знал, на чьей стороне танки.

Эпоха послевоенного процветания побудила многих жителей Гарлема упаковать свои вещи и покинуть его. Некоторые негритянские семьи перебрались в Квинс, Бронкс или даже уехали на Ямайку, Именно в это время стали рваться традиционные связи обитателей гарлемского гетто. Мы начали терять друг друга. Уехавшие отсюда белые попали прямо в так называемый «основной поток американской жизни». Они ушли, не обременив себя сожалениями об оставленном позади, не обернувшись ни разу. Черные же еще глубже погрузились в бездну забвения и заброшенности. Для черных было закрыто все — школы, профсоюзы, промышленность и искусство. Тогда — и сейчас.

Это значило — и значит — что негритянская семья оказалась отброшенной на еще более отдаленный участок не имеющего границ ни в пространстве, ни во времени поля битвы.

Когда в 1942 году я стал вольнонаемным в армии, мне платили в три раза больше, чем когда-либо зарабатывал мой отец. Это сильно повлияло на него. Его авторитет был подорван, роль, которую он играл в жизни, вдруг лишилась своего истинного значения — его будто одурачили. А я, конечно, даже не догадывался о жестокой сложности владевших им чувств. Не понимал всей глубины, силы и подлинности его боли.

Негры, покинувшие Гарлем, отнюдь не были встречены с распростертыми объятиями их белыми согражданами. Над ними издевались, их обливали презрением, и дети их оказались в большей опасности, чем когда-либо. Рядом уже не было дружелюбного соседа, который мог вовремя одернуть ребенка. И ребенок либо прирастал к внешней благопристойности и респектабельности, от которых всего один шаг до паранойи, либо скатывался к наркомании и тюрьме. А поскольку в этой стране нет ни одного общественного института, который не был бы пронизан насквозь расизмом, начиная с церкви и никоим образом не исключая профсоюзы, у негров не было никаких средств, чтобы добиться подлинной независимости.

Новое процветание принесло с собой еще одну заразу, призванную удерживать «ниггера» на его месте. «Если их нельзя поубивать, их следует замуровать в гетто», — думали белые и наводняли Гарлем наркотиками. И то, что некогда было общиной, стало рассыпаться. Пространство между людьми все росло. Негры Гарлема застыли в растерянности где-то между распадающимся черным обществом и отвергающим их белым миром. И неизвестно, что таило в себе большие страдания и опасность — быть «принятым» белым обществом (а значит, отринутым неграми) или сносить презрительную кличку «ниггер».

В школе я был счастливее, чем сегодняшние негритянские дети. Мое положение, хотя и мрачное, казалось более или менее ясным. У меня еще был шанс на спасение. Большинство моих учителей были белыми, но много было и преподавателей-негров. И кое-кто из белых учителей придерживался откровенно левых убеждений. Они выступали против франкистской Испании, против Италии Муссолини и гитлеровского «третьего рейха». За эти взгляды многие из них вскоре попали в «черные списки» и были с позором изгнаны из академических кругов — к вечному стыду последних.

Черные учителя, как это ни странно, вели себя иначе. Они мало говорили о политике, зато единодушно верили в светлое будущее черных учащихся. Многие из них были представителями так называемого гарлемского Ренессанса и стремились убедить нас, негритянских школьников, что мы можем добиться в жизни всего. Они никоим

образом не ограничивали нас мерками, навязываемыми негритянскому народу Америкой. Наши черные учителя отвергали их, хотя и платили за это дорогой ценой.

Тогда я, разумеется, не знал и не понимал, кем были эти люди. Например, Гертруда Айерс, директор нашей школы, была первым директором-негром в истории школ города Нью-Йорка. В то время я еще не понимал, что это значит. В начале шестидесятых годов доктор Кеннет Кларк сообщил мне, что Айерс вплоть до 1963 года оставалась единственным черным директором школы. А еще был незабвенный мистер Портер, мой учитель математики, — тоже негр. Он очень скоро оставил всякие попытки научить меня математике. По всей видимости, я родился с неким дефектом мозга, который заключался в моей полной неспособности считать. Я не мог сделать ни одной контрольной, начиная от арифметики и кончая геометрией. Портер мужественно пережил эту неудачу и компенсировал ее тем, что помогал мне сотрудничать в школьной газете. Он поручил мне написать для нее материал о Гарлеме. Материал, который, по его твердому убеждению, требовал серьезных исторических изысканий. Портер сам отвел меня в публичную библиотеку на Сорок второй улице и терпеливо ждал, пока я занимался своими «исследованиями». Он был очень горд статьей, которую я в конце концов вручил ему.

Учителя, о которых я говорю, достаточно высоко оценивали мои способности. И я научился относиться к этим способностям без чувства стыда. Я вполне мог доверять им, думая об открывающихся передо мной возможностях.

Я был чрезвычайно застенчивым, замкнутым и непростым учеником. И все же мои учителя как-то заставили меня поверить, что я могу учиться. И когда сам я не видел для себя почти никаких перспектив, учителя убеждали, что будущее принадлежит мне. Вопрос о цвете кожи был лишь незначительной деталью моей жизни, наподобие роста или веса. В конечном счете моя судьба зависела от меня самого.

Самосознание ребенка — вещь ужасающе хрупкая. В сущности, ребенок полностью во власти окружающих его взрослых. И если кто-то из его сверстников не имеет этого «чувства себя», это значит, что взрослые, окружавшие этих детей, некогда покинули их. Я говорю о моральном духе, сознании собственного «я», которым надо наделять каждого ребенка. Ибо ни один ребенок не способен приобрести его самостоятельно.

Детей, утверждаю я, нельзя одурачить. Взрослые могут предать их, но не одурачить, а ведь самих взрослых в отличие от детей одурачить крайне просто, и это потому, что они сами хотят быть одураченными. Дети, наивность которых одновременно искренна и чудовищна, могут запугивать, обижать, шантажировать и иногда даже убивать друг друга. Но ни один ребенок не способен дурачить другого так, как дурачат друг друга взрослые. К примеру, дети ни за что не смогли бы успешно разыгрывать скандальный спектакль съездов республиканской и демократической партий. Ведь им пока мало что приходится скрывать — и щеголять пока особенно нечем.

Помню, что в детстве я совершенно не мог произнести наизусть клятву верности американскому флагу. Кто ответит почему? В семь лет я, уж конечно, не был убежденным коммунистом, и никто не запрещал мне произносить слова о «свободе и справедливости для всех» в прекрасной стране Америке. Отец даже считал, что следует делать это из соображений безопасности. Но я знал, что он верит в нее не больше, чем я. И что произнесение клятвы им самим ничуть не способствовало его безопасности, не говоря уже о безопасности его детей, которая находилась под постоянной угрозой.

Откуда я знал, что красивые слова эти — обман? Откуда знает такие вещи любой ребенок? Об этом говорило мне все. Лицо отца, часы, дни и ночи его жизни. Замызганные полы в комнатах, где мы жили. Бесконечные уведомления об очередном выселении нашей семьи. Жестокие зимы, когда домовладельцы не топили в наших домах. Лицо матери при рождении еще одного ребенка. Конт-

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

раст между кухнями, где работала мать, и нашей кухней. Воздух, пропитанный отчаянием, в котором ты растешь, постигая, что родился на свет, чтобы быть презираемым. Навеки.

Воистину неописуемы лабиринты, в которых оказываются черные люди, пытаясь спасти своих детей.

Свидетельство об окончании школы почти ничего не значило в мое время, но оно все же предполагало, что вы посещали уроки. Сегодня же оно стало всего лишь допуском к работе — по большей части несуществующей, которое не подразумевает практически ничего в смысле Воспитания. Оно свидетельствует только о том, что ты «прошел» школу, не удосужившись ничему научиться там.

Коротко говоря, система образования и Воспитания Америки предназначена для того, чтобы морально уничтожить черного ребенка. И неважно, разрушает ли она его, заперев в гетто или сводя с ума в изоляции Гарварда. А тех, кто смог выжить, пройдя через это испытание, объявляют свидетельством силы американской системы образования.

На самом же деле — это потрясающее чудо и удивительнейшее свидетельство силы человеческого духа, которую приходится проявить любому чернокожему американцу, чтобы стать образованным, — неважно, в какой области знания. Чудом является то, что хоть у кого-то хватило сил сбросить отрепья ярлыков, приклеенных черным людям Америкой, чтобы взять на себя великое бремя и славу человеколюбия и ответственности одного человека перед другим.

Это настоящий подвиг: быть заключенным в темницу своей принадлежностью к «цветным», и дерзнуть разрушить ее стены, и вырваться на волю, оставив позади, среди развалин, тюремного сторожа.

Америка всегда стремилась пропагандировать и гарантировать зависимость от нее любого негра — будь то образованный человек или мальчишка-наркоман. Потому что, хотя и нельзя научить человека верить лжи, можно заставить его смириться с ней.

В конце концов, почему бы и не зависеть от своей собственной страны? Или хотя бы поддерживать с ней плодотворные отношения? Но это становится невозможным, если вы глядите на свою страну, а она отказывается замечать вас.

После кровавых событий в Майами американские власти не нашли ничего лучшего, чем убеждать черных жителей города в том, что насилием не решить наиболее острых проблем. И это несмотря на весть об оправдании четырех полицейских Майами, забивших до смерти негра Макдафи. О его гибели было сообщено на двадцать четвертой странице «Нью-Йорк таймс». Зато негритянские волнения, вызванные оправданием полицейских, расписывались на первой странице.

Жители гетто — мужчины, женщины или дети — давно имеют все основания изумляться: почему обуздание инфляции должно означать для них голодную смерть (или неизбежность службы в армии)? Теперь они могли бы поинтересоваться: почему любой белый полицейский имеет право на насилие, а негры на самооборону — нет? Люди из гетто, о которых я говорю и с которыми говорю, отнюдь не глупы. И если я солгу им, то как же смогу учить их?

Черные дни. Недавно я снова побывал на юге. Более чем четверть века назад Верховный суд США принял решение, поставившее вне закона сегрегацию в школах страны. Решение предполагалось провести в жизнь «по возможности более быстро». Моим друзьям, с которыми я когда-то работал, уже не по восемнадцать и даже не по тридцать. Их детям теперь столько же лет, сколько нам было тогда. А мне вот-вот стукнет шестьдесят. И для всех нас настали черные дни, потому что мы знаем, как много еще предстоит сделать и как мала вероятность того, что нам будет отпущено еще шестьдесят лет жизни. А потому мы знаем, сколь тщетна — разве что случится чудо! — надежда на то, что нам доведется еще пожить, выпить и посмеяться вместе.

Я пришел в суд штата Алабама в Бирмингеме. Здесь я встретился со своим старым другом, негром-священником Фредом Шатлсворсом. Я не виделся с ним более двадцати лет с тех пор, как его церковь взорвали. Теперь, спустя примерно двадцать два года, судили человека, обвиненного в этом преступлении. Преподобный Шатлсворс был очень спокоен, гораздо спокойнее меня, говоря о том, что следствие намеренно затягивалось в течение двадцати двух лет. Как же медленно вертится мельница правосудия, когда дело касается защиты негра! А кто знает, что творилось в душе у чернокожего юноши-студента, присутствовавшего на суде...

Это был десегрегированный (!) суд, и это, без сомнения, был суд-фарс. Среди присяжных заседателей большинство было женщин, и лишь один выставленный на показ негр в костюме канареечного цвета (мне показалось, что никто не обращал на него ни малейшего внимания). Единственной причиной, по которой обвиняемый Дж. Б. Стоунер не был официально оправдан, стало то, что присяжные заседатели не решились открыто поддержать одно из его заявлений: «Саму принадлежность к еврейской нации следовало бы считать преступлением, наказуемым смертью по закону». (Он поспешил добавить: «Я против незаконного насилия».)

Стоунера не оправдали, но он получил минимальный срок — десять лет — и отпущен на поруки.

Если сопоставить сию пародию на праведный суд с делом, к примеру, «уилмингтонской десятки»¹, то это и послужит для моих студентов началом объяснения истинного смысла слов «образование» и «воспитание».

Прошлой зимой в первый день занятий в университете Боулинг Грин, где я преподавал литературу, один из белых студентов спросил меня: «Почему белые так ненавидят негров?»

Меня застали врасплох. У меня просто не хватало смелости сразу начать разговор на эту тему. Я недооценивал наших детей и, боюсь, большинство людей старшего поколения тоже. Эта тема, признаюсь, пугала меня, и мне никогда бы не пришло в голову заговорить об этом столь откровенно. Несомненно, рано или поздно я придумал бы, в какой форме обсудить то, что мы стыдливо называем «межрасовыми конфликтами». Но мои студенты заставили меня осознать (и за это я в вечном долгу у них), что в понятии «межрасовые конфликты» скрыто множество иллюзий и оно не более чем трусливая псевдонаучная формулировка. В последовавшей затем дискуссии мои ученики очень скоро вовсе перестали нуждаться в чьем-либо руководстве. Они начали говорить друг с другом и говорили не о расах. Они говорили о своем стремлении узнать друг друга, о необходимости узнать друг друга, и каждый старался проникнуться опытом другого. Реплики были резки и необычайно откровенны, но ни разу не омрачились скрытым страхом или враждебностью. Негры и белые пытались стать единым целым. Они пытались объединить самих себя со своей страной.

Когда они покинут стены университета, им предстоит сделать нелегкий выбор. И почему непременно условием американской жизни должно быть то, что она их принуждает стать друг для друга чужаками?..

Искренность, глубина и постоянство иллюзии о белом превосходстве делают любую концепцию Воспитания в Америке столь же далекой от реальной жизни и столь же опасной, как и подмена самого понятия свободы. То, что черные люди Америки знали всегда, теперь становится ясно всему миру: белые американцы стремятся к чему угодно, но только не к свободе — ни для самих себя, ни для других.

«Ты услышишь новую песнь — не я, — говорил Ленгстон Хьюз, — так жди и надейся...»

Перевела с английского С. ФЕДОРИНА

¹ «Уилмингтонская десятка» — группа негритянских политических деятелей, приговоренных по ложному обвинению к различным срокам тюремного заключения. — Примеч. ред.

Смотрите: в объективе Северная Ирландия. Начало нового этапа трагедии...

«Бобби Сэндс! Бобби Сэндс!» — день за днем демонстранты заполняли мрачные улицы Лондондерри, выкрикивая это имя. Они громоздили баррикады, забрасывали камнями английских солдат и полицейских. День за днем силы безопасности разгоняли демонстрантов, которые собирались вновь в других кварталах, и все начиналось сначала.

Роберт (Бобби) Джеральд Сэндс, заключенный тюрьмы Мейз, потребовал от английского правительства признания борцов за независимость Северной Ирландии политическими заключенными. Правительство Тэтчер отказалось рассмотреть это требование. Сэндс объявил голодовку. На четвертый день голодовки ирландский народ избрал его членом британского парламента, однако для английского правительства Сэндс продолжал оставаться «уголовником».

В девятнадцать лет Бобби Сэндс начал борьбу за независимость своей родины. В тот же год попал в тюрьму. В 1976 году вышел на свободу, но вскоре опять оказался в тюрьме. Так получилось, что почти всю свою сознательную жизнь он провел за решеткой.

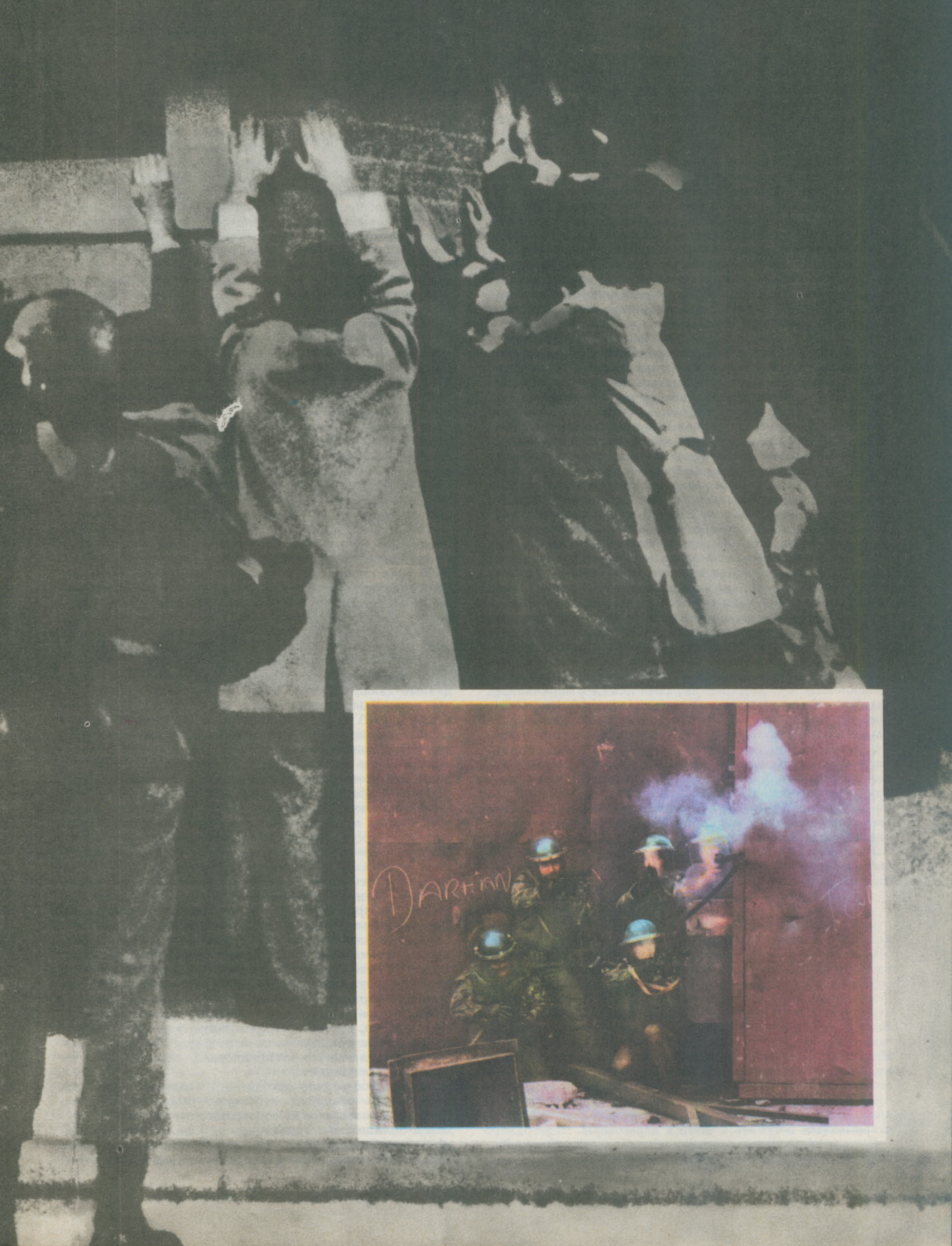
«Мой дед сказал мне однажды, — писал Сэндс в статье «Ласточка и борец за свободу», — ласточка в клетке — самое жестокое из всех преступлений. Ласточка — великий символ свободы и счастья... Между бедной птицей и мной много общего... Я политический заключенный, борец за свободу... Меня лишили одежды (Сэндс требовал разрешить борцам за независимость Северной Ирландии наряду с остальными политическими заключенными ношение своей, а не тюремной одежды. — Ред.) и закрыли в грязной клетке, где морят голодом, бьют и пытаются... Но во мне живет дух свободы, который нельзя уничтожить».

В тюрьме он писал стихи и тайно переправлял их в редакцию газеты «Републикэн ньюспейпер». Вот одно из них:

Мне говорят: теперь новое время,
Век перешел за восьмое деленье.
Действительно, сколько вокруг изменений:
Снова пытаются и вновь лицемерят.
Новые дети вокруг голодают,
Новые дети теперь умирают.
Девочка воплями ночь оглашает:
Новое детство в напалме сжигают.

...Шла седьмая неделя голодовки. Вес упал до сорока пяти килограммов. Нарушились зрение, слух. Сэндса перевели в больничный отсек тюрьмы Мейз. Между тем события за стенами тюрьмы стремительно развивались. В первый день пасхи 1981 года в Лондондерри в толпу демонстрантов на полной скорости врезалась английская военная машина. В результате двое убитых: Джимми Браун, девятнадцати лет, Гарри Инглиш, восемнадцати лет. Их похороны вылились в грандиозную демонстрацию протеста. На улицы Лондондерри вышли тысячи людей. Отец Гарри Инглиша написал открытое письмо Маргарет Тэтчер: «Неужели мало смерти моего сына в обмен на требования Сэндса! Будут убиты еще сотни парней, таких, как мой сын, будут разбиты сотни сердец, таких, как мое и жены, если Сэндсу позволят умереть». Правительство Тэтчер оставалось непреклонным. Сэндс был при смерти. Один из близких друзей Сэндса, Дэни Моррисон, сказал тогда: «Он (Сэндс) знает, что, если умрет, своей смертью он вызовет такую бурю протеста, которая не утихнет и через десять лет». Сэндс сознательно шел на смерть. В предсмертной статье «Я боролся с чудовищем» он писал: «Мое тело разбито. Холод входит в него. Я один. Мне неуютно здесь. Вдали знакомые голоса: «Мы с тобой, брат, не дай им себя одолеть». Они дают мне силы продолжать. Мне нужны эти голоса. Они злят чудовище... Я знаю: если голоса будут громче, они испугают чудовище. Чудовище убежит. Моим страданиям придет конец...»

Волнения стремительно охватывают Белфаст, Ньюри, Дангэннон и другие города Северной Ирландии. В тюрьме Мейз продолжают умирать борцы за свободу, объявившие голодовку: Фрэнсис Хьюз, Раймонд Маккриш, Патрик О'Хара, Мартин Хэрзон, Джозеф Макдоннел, Киран Дохерти, К. Линч, Томас Макилви, Майкл Девин...

ЛЮДИ В ОДЕЯЛАХ

Юрий УСТИМЕНКО

Глухая стена из рифленого железа уходит в серое небо почти на три человеческих роста. За ней металлические сетки четырех заборов, отстоящих друг от друга на полтора метра. Между ними сплелась клубками ржавая колючая проволока. Через заборы пропущен электрический ток, в ограждения вмонтированы приборы, часть которых упрятана под землю. Они подают сигнал тревоги, когда человек лишь приближается к ним. Над стеной торчат темно-зеленые сторожевые вышки, на площадках — часовые с автоматами. Это тюрьма Мейз.

Передо мной два письма на тончайших листках вошеной бумаги размером чуть больше спичечного коробка. Прочитать их можно лишь с помощью лупы. Каким-то чудом их удалось вынести за колючую проволоку. Затем они были доставлены в Белфаст, а оттуда переправлены в Москву. Их писали заключенные концентрационного лагеря Лонг Кеш, созданного английскими властями в Северной Ирландии десять лет назад и впоследствии переименованного в тюрьму Мейз.

Среди мрачных барачков, окрашенных в темно-зеленый цвет, выделяются несколько строений, стоящих буквой Н (английская буква «эйч»). Шестой год узники «блоков эйч» ведут борьбу за предоставление им статуса политических заключенных, отказываются выходить на тюремные работы и носить тюремную одежду. Их называют «людьми в одеялах», потому что они вынуждены все время кутаться в тонкие казенные одеяла.

Томми Косгроув пишет: «Ирландцы, находящиеся в «блоках эйч», борются против попыток властей низвести их до положения заключенных, осужденных за уголовные преступления... Но мы не уголовники. Мы сражались против гнета британского империализма. Сражались за свободу Ирландии. Мы политические заключенные. Английские власти подвергают нас физическим и моральным пыткам. Они лишили нас всех основных прав человека. Нас втиснули в крохотные камеры, напоминающие гробы, и содержат там вот уже более пяти лет взаперти 24 часа в сутки. Нас лишили всего — прогулок, газет, радио и книг. Каждому выдали по тонкому матрацу из пенопласта и три рваных одеяла. Они вечно мокрые, потому что тюремщики регулярно поливают камеры водой из шланга... Все эти годы британское правительство лишило нас доступа к медицинскому обслуживанию. Оно сделало все, чтобы сломить нашу волю к борьбе».

Его товарищ Шондо Мур добавляет: «Нас содержат в бесчеловечных условиях, подвергают жестоким пыткам, лишают человеческих прав».

В конце октября 1980 года группа заключенных «блоков эйч» объявила голодовку протеста, продолжавшуюся 53 мучительных дня. За ней последовала другая голодовка, о которой рассказывается на предыдущих страницах. Официальный Лондон вначале пообещал пересмотреть условия содержания заключенных в концлагере, но потом наотрез отказался удовлетворить требование узников Лонг Кеш о предоставлении им статуса политических заключенных. Английский министр по делам Северной Ирландии, когда ему сообщили о начале голодовки, цинично обронил: «Если они хотят умереть от голода, это их личное дело». И хотя по Британским островам прокатились бурные демонстрации в поддержку узников «блоков эйч», правительство консерваторов и по сей день отказывается вступить с ними в переговоры.

Голодовки протеста — это акт отчаяния, заключенные исчерпали иные методы борьбы.

Кровавый конфликт в Ольстере вызван тем, что правительство Англии отказывается решать острейшие социально-экономические проблемы британских подданных в Северной Ирландии: массовой безработицы, нищеты, бездомности, дискриминации католического меньшинства, попрания элементарных гражданских прав и демократических свобод. Этот конфликт унес за последнее десятилетие свыше двух тысяч человеческих жизней и более двадцати тысяч человек оставил калеками. Материальный ущерб оценивается в десятки миллионов фунтов стерлингов.

Как было заявлено на XV съезде Компартии Ирландии, «политическое, экономическое и военное вмешательство британского империализма в Ирландии в прошлом и сейчас лежит в основе политических и экономических проблем нашей страны, вызывает нынешнюю крайне напряженную обстановку в Северной Ирландии».

Броневики на улицах и военные вертолеты в небе, наблюдательные посты и огневые точки на крышах зданий, стальные решетки и рогатки на перекрестках, полицейские наряды в армейских казармах и полицейских участках — вот что представляет собой в наши дни Северная Ирландия, часть Соединенного королевства, «самой старой демократии» на Западе.

Английский парламент, заседающий в Вестминстере, продолжает издавать законы, оправдывающие полное беззаконие и полицейский произвол в Ольстере. В конце 1980 года палата общин приняла решение вновь продлить срок действия «чрезвычайных» законов для Северной Ирландии. В голосовании по предложению, внесенному консервативным правительством, приняло участие менее одной трети парламентариев. Непохоже, чтобы они принимали события в Ольстере близко к сердцу.

Так называемое «чрезвычайное» законодательство давным-давно утратило свой «чрезвычайный» характер, поскольку было введено в Ольстере с момента его образования в 1921 году и оставалось там в силе последние шесть десятилетий с незначительными перерывами и видоизменениями.

Эти законы обеспечивают полиции и армии самые широкие полномочия для производства массовых облав, обысков и арестов. Арест разрешается (разумеется, без санкции прокурора) не только за противозаконное действие, но и на основании «подозрения в намерении совершить акт, ведущий к нарушению правопорядка». «Силы безопасности» имеют право, которым они широко пользуются, содержать арестованных под стражей длительный срок, не предъявляя им каких бы то ни было обвинений. Так называемый «закон об интернировании» позволяет отправлять арестованных в бессрочное заключение опять же без предъявления конкретных обвинений.

Законы для Ольстера, одобренные английским парламентом, фактически освобождают полицейских и солдат от всякой ответственности за убийства мирных жителей и иные преступления. Десятки юношей и пожилых людей, рабочих, фермеров и домохозяек заплатились жизнью неизвестно за что. Один не остановил автомашину при виде солдата, другой нес рыболовную удочку, а английские солдаты приняли ее за винтовку... Полиция и солдаты открывают огонь без предупреждения. Убийцы остаются безнаказанными.

Нормальное судопроизводство в Северной Ирландии практически отменено, действуют особые трибуналы. Приговоры выносятся на основании голословных утверждений полицейских чиновников или филеров о том, что обвиняемый-де состоит в нелегальной организации. Иных доказательств или свидетельских показаний не требуется.

Широкою огласку получили многие случаи осуждения на основе «добровольного» признания. Арестованного долго обрабатывают в полицейском участке, в армейской казарме либо в специальном центре допросов Каслри — кулаками, коваными ботинками, шумом, водой, электрическим током, морят голодом, угрожают расстрелом или показывают фотографии убитых друзей и родственников. «Вот что с тобой будет, если не признаешь себя виновным». Когда «признание» получено, суровый тюремный срок — уже дело техники.

В январе 1978 года Европейский суд защиты прав человека в Страсбурге признал Англию виновной в грубом нарушении прав человека, массовых репрессиях и других актах произвола в Ольстере. Тогда же был создан Международный трибунал по расследованию преступлений Великобритании в Северной Ирландии, в состав которого вошли видные политические и общественные деятели Англии, США, Ирландии и других стран. В мае 1980 года Европейская комиссия по правам человека отметила бесчеловечные условия содержания заключенных в ольстерских застенках.

Кто же эти люди, брошенные за колючую проволоку Лонг Кеш? Среди почти двух тысяч заключенных есть небольшая группа протестантов из полувоенных экстремистских организаций, убийц, пойманных на месте преступления с оружием в руках. Как правило, их не арестовывают и не судят, потому что вооруженные банды ультра используют английскими властями как вспомогательная сила в борьбе с движением за гражданские права, для усиления режима террора и насилия, установленного «силами безопасности» в католических гетто. Нет правила без исключения, и иногда протестантские экстремисты оказываются в концлагере, чтобы не зарывались и всегда чувствовали, кто в Ольстере истинный хозяин. Да и выгодно иметь в Лонг Кеш несколько протестантов, чтобы продемонстрировать английскую «беспристрастность».

Остальные заключенные — это католики, представители угнетенного меньшинства Северной Ирландии, «граждане второго сорта», или «белые негры», как прозвала их американская печать. Это активисты движения за гражданские права, ставящего целью воссоединение Ирландии. Это участники уличных шествий и демонстраций. Между ними не прекращаются острые политические дискуссии по главному вопросу — как добиться мира и спокойствия в Ольстере?

Автор одного из писем, о которых я сказал вначале, Шондо Мур, пишет: «Когда британские солдаты уберутся с улиц североирландских городов, это будет первым шагом на пути к обеспечению мира. Нет и не может быть справедливого решения ольстерской проблемы, пока на ирландской земле остаются британские оккупационные войска. Народ всей Ирландии должен получить право решать свою судьбу без иностранного вмешательства».

Ольстер в наши дни выглядит полностью как вражеская территория, оккупированная иностранными войсками. Для разгона демонстраций солдаты применяют «водяные пушки» — мощная струя способна сбить с ног взрослого человека. Пускают в ход как обычный свинец, так и освоенные в Ольстере новинки — резиновые и пластиковые пули, прозванные «летающими дубинками». Ими изувечены десятки людей. Армия наполняет кварталы тесно скучившихся домишек ядовитым газом «си-эс», который так полюбился американцам во Вьетнаме. Эти средства расправы с мирным населением непрерывно совершенствуются. В баки «водяных пушек» теперь заливают специальные красители, чтобы участников демонстраций можно было опознать много часов спустя, на смену «си-эс» пришел «более действенный» удушливый «си-ар», разработанный в секретных лабораториях министерства обороны Англии.

Регулярная армия широко используется для проведения массовых обысков, облав и арестов в католических кварталах. С бандами протестантских экстремистов английские солдаты поддерживают тесное взаимодействие.

Северная Ирландия опутана липкой паутиной всеобщей слежки и шпионажа. Армейские агенты в штатском и полицейские шпики фотографируют участников демонстраций и похорон, дежурят у госпиталей и больниц, возле местных отделений Ассоциации в защиту гражданских прав. Как мне рассказывали друзья в Белфасте, неприменный свидетель всех уличных шествий — кинооператор в военной форме, стоящий у обочины тротуара в окружении автоматчиков.

«Силы безопасности» используют электронное оборудование, регулярно подслушивают телефонные разговоры, ведут круглосуточное наблюдение с помощью пеших патрулей и агентов, разъезжающих в автомобилях, над которыми торчат высоченные антенны. В армейских казармах и полицейских участках хранятся пухлые досье и длинные списки «подозреваемых». Этими списками снабжают командиров армейских патрулей, объезжающих рабочие кварталы. В штаб-квартире армии в Лисберне на окраине Белфаста находится электронно-вычислительная машина, в которую заложена информация на большую часть населения Северной Ирландии. По оценкам американского информационного агентства ЮПИ, Англия создала в Ольстере самую разветвленную в мире сеть шпионажа.

Под прикрытием прачечных, химчисток, погребальных контор, пекарен и других безобидных заведений в североирландских городах оперируют отряды специальных подразделений военно-воздушных сил Англии, которых ирландская печать называет «тренированными, отлично подготовленными убийцами». Они специализируются на организации шпионажа, диверсий, провокаций и убийств из-за угла, устраивают поджоги и взрывы в протестантских районах, чтобы натравить их жителей на католиков, а позднее проделывают то же самое в католических гетто, провоцируя межрелигиозные столкновения. Одну из таких операций группа из «Специал эр сервис» (САС) провела в Белфасте в конце минувшего года, совершив налет на дом в католическом гетто, где собрались родственники узников «блоков эйч» Лонг Кеш.

Пытаясь решить ольстерскую проблему военным путем, консерваторы в Лондоне отвергают требования демократической общественности Ольстера покончить с дискриминацией и угнетением, с нищетой и безработицей. Не так давно в Лондоне было объявлено о дальнейшем сокращении государственных ассигнований на социальные нужды в Северной Ирландии. И это в то время, когда безработица там вдвое превышает средние показатели по Соединенному королевству. Одновременно министерство по делам Северной Ирландии сообщило о строительстве у Белфаста комплекса казарм, в которых разместятся новые подкрепления регулярной английской армии. Отпущены новые ассигнования на укрепление военно-полицейского аппарата в Ольстере, увеличение численности вооруженных формирований и оснащение их самыми последними средствами расправы с мирным населением.

Согласно данным, которые приводит известный ирландский журналист Тим Пэт Куган в своей книге «Люди в одеялах» об узниках «блоков эйч» Лонг Кеш, свыше пяти процентов полумиллионного католического населения Ольстера — от подростков до пожилых мужчин — прошли через «британский конвейер репрессий»: аресты, избиения и издевательства, пытки и тюремное заключение.

Когда покидаешь Белфаст и выезжаешь на шоссе М-1, ведущее к Дублину, жутким видением встает недалеко от дороги глухая стена Лонг Кеш, утыканная смотровыми вышками, на которых переминаются автоматчики. Она напоминает кадры фильмов, рассказывающих о злодеяниях гитлеровцев. Не случайно ирландцы называют Лонг Кеш «последним концлагерем в Европе». Тем временем в Вестминстере, который буржуазная печать Лондона величает «отцом парламентов», разрабатывают новое законодательство, низводящее ирландцев, как и много столетий назад, до положения «рабов, способных только рубить лес и носить воду».

ВЬЕТНАМ: ЖИВОПИСЬ, ПОЭЗИЯ, ПРОЗА

Вьетнам создал свою яркую и самобытную национальную культуру, уходящую корнями в глубь веков.

Вьетнам дал миру таких выдающихся поэтов, как Нгуен Чай, чье 600-летие широко отмечалось в прошлом году по решению ЮНЕСКО, Нгуен Зу — автора знаменитого романа в стихах «Стенания истерзанной души», вершины вьетнамской поэтической классики. Богато и разнообразно драматическое искусство Вьетнама, подлинным украшением которого являются национальные театры туонг и тео, построенные на сочетании декламации, музыки, танца, пантомимы, акробатики, фехтования, элементов циркового искусства. Значительное место в национальной культуре занимают лаковая живопись — одно из самых замечательных явлений в искусстве народов Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии — и традиционная живопись водяными красками на шелке.

Более ста лет французские колонизаторы и американские империалисты безуспешно пытались вытравить национальный характер искусства и литературы этой страны, насадить чуждую вьетнамскому народу буржуазную культуру. Августовская революция 1945 года, освобождение весной 1975 года Юга вдохнули новую жизнь в древнюю и самобытную культуру Вьетнама.

В этом номере журнала мы познакомим читателей с творчеством нескольких представителей литературы и искусства единого социалистического Вьетнама. Любовь к родной природе, к своим мужественным и трудолюбивым соотечественникам — вот что прежде всего характеризует работы художника Май Лонга, экспонировавшиеся в начале нынешнего года на выставках в Москве и Пензе. Май Лонг глубоко постиг секреты традиционной национальной живописи на шелке и добился высокого мастерства в использовании технических приемов, присущих вьетнамской школе.

Писатель Нгуен Нгок, рассказ которого мы представляем вам, — лауреат Национальной премии по литературе и премии «Лотос», учрежденной Ассоциацией афро-азиатских писателей. Рассказ «Пон» входит в том «Избранных произведений писателей Юго-Восточной Азии», который готовит к печати «Художественная литература».

Молодой поэт Банг Вьет окончил Киевский университет. Он один из ведущих переводчиков русской и советской поэзии. Сейчас Банг Вьет работает над переводом на вьетнамский «Евгения Онегина». Подборка его стихов, так же как и стихи Ву Куан Фыонга, будет опубликована в сборнике «Стихи молодых поэтов Вьетнама», выпускаемом издательством «Молодая гвардия».

А. ЛЕВИН, главный редактор
русского издания журнала «Вьетнам»

ДОЖДЬ В ДЖУНГЛЯХ КОНЧИЛСЯ

Банг ВЬЕТ

*Дождь в джунглях кончился, все стихло
понемногу,*

*клубится над долиною дымок.
Мы вышли наконец на новую дорогу,
земля уже обсохла под лучами,
дрожит туман над дальними холмами,
и снова мир стал светел и широк.*

*И ветра дремлющего дуновенье
стерни погнувшейся нам несет тепло,
и голос джунглей слышен в отдаленье,
их аромат вдыхая полной грудью,
идем, и в небе чисто и светло.*

*Не знаю, что тебе сказать, — шесть лет,
шесть долгих лет над нами небо грохотало,
земля землею быть переставала,
чинили мы дороги под дождем,
он шел всю ночь, шел рано утром, днем,
от холода ночами кости ныли,
и письмами не баловал нас тыл.*

*Все это время я тебя любил...
Рис пригорал в походных котелках,
и дымом от костра я весь пропах,
вода и пища не всегда была,
и мхом земля в укрытье поросла...*

*Бросая гроздь осветительных ракет,
враг с неба и с земли вынюхивал наш след.
Но был все так же верен я машине,
я спать привык недолго, до гудка,
известно, жизнь солдата нелегка,
пожалуй, нет другой такой на свете!*

*Поднялся ветер, да, поднялся ветер,
над кронами уже блестит рассвет...
Свет удивительный, небесный свет
от нас с тобой исходит, словно чувства
растут в груди, и мы с тобой идем
нелегкою дорогой легендарной
под тем незабываемым дождем...*

ПЕРВУЮ НОЧЬ В САЙГОНЕ¹ СПЛЮ В ГАМАКЕ

Бу Куан ФЫОНГ

Здесь стулья свалены, столы лежат вверх дном,
здесь запах бегства, след смятения на всем...

Ну что ж, опять
придется эту ночь под звездным небом спать,
луна нам посветит, а нам не привыкать,
и если так,
то на балконе мы повесим свой гамак.
Но нет, не спится нам — внизу, рассеяв мрак,
в огнях Сайгон...

В землянках фронтовых мне часто снился он...
И прошлое встает, как неотвязный сон
с тоской своей...

На Чыонгшоне дождь: пришел сезон дождей...
И вспоминаю я оставшихся грузей, наш котелок
и чай из имбиря, и наш сухой паек,
и лампы фронтовой хоть слабый огонек,
а не загуты!

Как рвали горы мы, прокладывая путь...
Те ночи — ты бы мог, скажи, когда-нибудь
забыть о них?

Когда, усталые, в укрытиях сырых,
щепотку соли мы делили на двоих,
как груз тоски...

Что может быть теплей протянутой руки
в горах, где тьма и лед, а камни велики
и склон так крут?..

Все ж к цели нас привел нелегкий наш маршрут,
и горы ветер свой за нами следом шлют
петь в тишине...

Гамак качается, как лодка на волне,
и улицы внизу красуются в огне,
не спит Сайгон...

О чем-то шепчется листва зеленых крон,
и джунгли города баюкают наш сон,
как Чыонгшон...

Перевела с вьетнамского Муза ПАВЛОВА

¹ После освобождения Юга Вьетнама от американских захватчиков город Сайгон был переименован в город Хошимин. — Примеч. ред.

ПОН

Рассказ

Нгуен НГОК

По крутой горной каменной дороге шел в ночи одинокий конь, и стук копыт его, то приближавшийся, то вновь замиравший вдали, казался каким-то диковинным потусторонним звуком. Потом топот копыт и вовсе затих, утонув в завываниях ветра. За рекой, на горе Кхаукхактхиеу, прокричала в лесу куропатка. На востоке у самого края неба высветились вдруг беловатые пряди облаков. И лесной зверь, торопливо пожиривший в кустах задранный им козленка, вздрогнул, заворчал и тотчас исчез в чаще...

Издали слышался странный, непривычный гул, сперва еле слышный, будто шум рисоружки, он постепенно ширился и нарастал. Но вдруг все стихло. Потом немного погодя гул накатился снова на притаившуюся во тьме деревушку Далан. Теперь уже можно было слышать яростный рев мотора поднимавшегося в гору грузовика, гудки автомобильной сирены и звонкие молодые голоса — мужские и женские, — пели по меньшей мере четыре или пять человек.

Грузовик катил уже где-то вдали, но горячее дыхание его все еще сотрясало ночное небо. Когда вернулась наконец тишина, снова стали слышны робкие голоса куропаток, подхваченные вскоре петухами в разбросанных по окрестным горам деревушках, и петушиное пение звенящей трепетной аркой перекинулось через реку.

Пон проснулся и закашлялся: в зимнюю стужу его всегда мучил кашель.

— Слышали, мама, — спросил он, — как всю ночь шли машины с лесом в Тиньтук? И новые рабочие поехали на рудник. В этакую холодину разъезжают по ночам, да еще и песни поют. Ничего не скажешь — весельчаки! Так начинались всегда их разговоры.

Потом они замолчали. И Пон услышал, как его птичка ри колотит клювом по бамбуковым прутьям клетки, требуя корма. Поскрипывали петли гамака. Слышно было жужжание насекомых за тонкой перегородкой. Буйвол сердито стучал рогами в ворота хлева. Пон любил вот так по утрам прислушаться к разноголосице пробуждающейся жизни, а после, открыв глаза, прикинуть, какие предстоят на сегодня дела. Нынче ему, к примеру, надо приладить наконец гужи к плугу, подровнять и отшлифовать обод деревянного колеса в машине для высадки рассады, не то не ровен час опоздаешь со сборкой: хорошо бы и ось обточить, чтоб не скрипела, терзая слух. И еще надо во что бы то ни стало придумать, как по-новому закрепить на оси ведущую цепь, чтобы ее не забило, как в прошлый раз, илом и глиной. Вот уж неделю он ломает над этим голову, но пока ничего не придумал.

Пон, и сам не зная еще почему, вдруг поверил: именно сегодня он покончит с этим нелегким делом. Он хотел было встать пораньше и приняться скорее за работу, да все лежал и лежал молча: жаль было вылезать из-под теплого одеяла, которое сшила когда-то ему в подарок Зиеу, и неохота расставаться с привычными голосами деревенского утра.

Мать тоже лежала и молчала, глядя широко открытыми глазами в не растаявшую еще темноту. Только мысли ее текли вспять, возвращаясь к давно уже прожитым дням. Ей не хотелось думать о прошлом, но прошлое каждую ночь напоминало о себе доносившимся из-за тонкой перегородки дыханием сына — то учащенным и резким, то усталым, чуть слышным. И гамак его скрипел протяжно, точь-в-точь как в ту пору, когда Пон, совсем еще младенец, пялил на белый свет свои глазенки, а голос матери, чистый и звонкий, выводил нараспев слова, внушенные якобы ей всеведущим духом, бередя сердца стольких парней, влюбленных в нее и по-

терявших надежду. Тогда еще жив был отец Пона, сильный и смелый, как тигр. Если уж он охотился, добычу его не снести было и четверым, а он, сам-один, нес ее на плечах с вершины Кхаукои до берега речки Далан. И, воротившись уже к ночи, прижимал сына к гулко стучавшему сердцу. Но вскоре отец Пона погиб: он утонул во время паводка — так под напором бури рушится с грохотом самое высокое и могучее в лесу железное дерево. Потом тяжело захворал Пон и после болезни ослеп; и тотчас же оборвались, словно отсеченные напроць чьим-то безжалостным ножом, молодость матери и звонкие песни. Голова ее, как это бывает в печальных сказках, поседела за одну-единую ночь — вся до последнего волоска.

С тех пор прошло двадцать лет. И все эти годы жили они тихо и неприметно. Пон подрастал, надежно укрытый теплыми, ласковыми материнскими ладонями от всех невзгод и превратностей жизни.

Но однажды ему вдруг мучительно захотелось самому окунуться в бушевавший звуками и запахами таинственный мир. И он тайком от матери завел знакомство с соседскими девчонками и мальчишками. Особенно подружился он с девочкой по имени Ием, которая каждый день выгоняла на пастбище буйволов. Пону нравился ее голос — тихий и задушевный. Ием водила его в лес и учила узнавать разные деревья. Он навсегда запомнил, как пахнет свежесрубленное железное дерево лим, горьковатый запах дуба, легкий аромат дерева вонг и пряный дух алоэ. Ием подарила ему выпавшего из гнезда птенца, которого Пон выходил и долго потом еще держал в доме. Она помогала Пону взбираться на спину буйволу, и он, бывало, с утра и до вечера лежал, растянувшись, на этой широкой покачивающейся спине, то засыпая, то жадно втягивая ноздрями терпкие и сладкие запахи лесных трав... Дружба их длилась более года. Но вот однажды, когда Ием привела его к реке поиграть с детьми, какой-то мальчишка — голос его, высокий и звонкий, Пон запомнил надолго — громко крикнул:

— Эй, братцы, вот и наш слепец с женой!

Пон, державший Ием за руку, стал озираться по сторонам, незрячие глаза его налились кровью. Он ждал, что Ием ответит обидчику, скажет хоть слово. Но она стояла молча, а потом бросила руку Пона и убежала...

Ему почудилось тогда, будто в душе его вдруг расколослось что-то вдребезги; и он кинулся со всех ног домой, спотыкаясь о камни, кочки, налетая на деревья. Он разбил в кровь ноги, упав, рассек себе лоб, но упрямо бежал дальше и дальше...

Так он забился снова в тесное кольцо материнских рук, оберегавших и согревавших его. И жизнь обоих, матери и сына, опять потекла спокойно и неприметно и, может, кто знает, по-своему счастливо. Правда, иногда к нему доносились со стороны призывные голоса деревьев и лесных трав — друзей, с которыми его когда-то познакомила Ием, но всякий раз давняя, неутихшая боль удерживала его дома.

Так было, покуда не появилась Зиеу...

Мать еще и теперь била дрожь при одном лишь упоминании имени Зиеу. Вот и сейчас она беспокойно заворочалась в постели, и Пон, отделенный от нее тонкой плетеной перегородкой, угадал ее мысли и сказал:

— Да, мама, письма от Зиеу все нет как нет.

Он даже разочарованно прищелкнул языком, но в голосе его уныния явно не чувствовалось.

— Раз уж она такая бездушная, — продолжал он, — бог с ней. А ведь перед отъездом обещала писать.

Мать вспомнила давнюю историю с Ием и ужаснулась. Пон закашлялся, потом отбросил прочь одеяло.

— Ладно, мама, будем вставать. Нам еще веревку вчерашнюю надо бы доплести.

Вскоре они сидели уже и плели веревку. Расплющенные стебли арундины впились в руки Пона, словно отточенные лезвия, и он время от времени слизывал с пальцев солоноватые капли крови. Мать сказала:

— Ты уж поверь мне, сынок, Зиеу... вовсе она не добрая... Зря ты ее дожидаешься.

— Вот уж неправда! — звонко рассмеялся Пон. — Просто дел у нее по горло и путь оттуда неблизкий... Да я вовсе ее и не жду...

Мать не поняла, чему он, собственно, смеялся.

Зиеу объявилась в малолюдной деревушке Далан неожиданно-негаданно. Мать не знала, откуда взялась эта девушка. Товарищ Лак всю войну¹ работал в округе Кхаукхактхиеу и часто навещался в здешние края, после заключения мира он получил должность на стройке в Тиньтуке и, направляясь туда, завернул в деревушку Далан. С ним вместе пришла его младшая сестра Зиеу. Товарищ Лак оставил сестру в доме у председателя здешней общины и договорился с хозяевами, что заберет ее к себе, как только подыщет для нее работу на руднике. Зиеу прижилась в семье председателя и вела себя во всем словно родная дочь, послушная и работающая.

В доме у Пона стояла оставшаяся еще от отца рисорушка. Однажды Пон спросил:

— Мама, кто это ходит к нам рушить зерно?

— Да ты все равно не знаешь, сынок, — равнодушно ответила мать.

— Кто-то чужой? А откуда?

— Не знаю... не спрашивала. Нам-то что до них, сынок.

Пон не стал ни о чем больше спрашивать. Высокий лоб его прорезали морщины, он думал о чем-то сосредоточенно и упрямо. А после долгого молчания произнес словно бы про себя:

— То-то я слышу, походка вроде особенная... — И, помолчав, добавил: — Пожалуй, чем-то напоминает Ием, когда я... Девочка еще, а вот как управляется с жерновами... Мама, вы снова плачете, почему? Я огорчил вас?

Рисорушка стояла снаружи, под навесом, и Зиеу никогда не заходила в дом. А Пон не выходил из дому. По утрам, сидя в темной и тихой комнате, он слушал, как быстро и размеренно крутятся жернова. И на лбу у него прорезались морщины...

Но однажды Зиеу, не найдя во дворе хозяйку, распахнула обе створки двери и, увидав парня, сидевшего, словно в ожидании гостей, посреди дома, спросила:

— Вы не разрешите мне воспользоваться рисорушкой? У меня зерна полная корзина...

Парень поднял голову. Зиеу вздрогнула: он был слепой. Неловкое молчание дохнуло на них зимнею стужей.

— Кто здесь? — спросил он наконец.

Круглая, гладко обструганная деревяшка, которую он держал в руках, со стуком упала на пол. Он пошарил по полу, но не нашел ее. Зиеу, переступив порог, подняла деревяшку и протянула ее слепому. Но он, не шевельнувшись, сказал:

— Нет уж, я сам виноват. Бросьте ее, прошу вас, обратно.

Голос его дрожал. Он слышал смущенное прерывистое дыхание девушки. Зиеу тоже молчала. Наклонившись, она положила деревяшку на пол, придвинув ее чуть ближе к ногам слепого. Но он даже не стал подбирать ее, а, поднявшись, вышел в соседнюю комнату. На пороге он споткнулся, но Зиеу не решилась ему помочь...

Пон думал, что услышит спустя минуту-другую шум рисорушки. Но жернова молчали. И тишину, царившую в доме, нарушало лишь дыхание девушки, слышавшееся из-за тонкой перегородки. Неясные, странные чувства овладели Поном. Ему чудился где-то рядом негромкий говор Ием, потом голос ее заглушили вроде его собственные шаги: он бежал, спотыкаясь о камни, задевая стволы и ветви деревьев, ранившие его до крови. Он слышал и щебет подаренного ему когда-то птенца, и зазывные запахи цветов, листы, древесины. Он с трудом перевел дух, словно пробежал без отдыха нелегкий и долгий путь. Ему показалось вдруг, будто неизвестная девушка эта знакома ему уже давным-давно, но между цветущим ее здоровьем и его увечьем чернеет бездонная пропасть, и по ту сторону пропасти находится другой, особенный

¹ Имеется в виду война Сопротивления 1946—1954 годов. — Примеч. пер.

мир, куда им обоим, Пону и матери, людям неприметным и слабым, нет ходу.

Вдруг он услышал, как за стеной зашкрипели жернова, потом, точно дождь в листве, зашелестели зерна, падая в широкую плоскую корзину. Привычные эти звуки почему-то разбредили сердце Пона, и он почувствовал, как глаза его обожгла горечь... Когда жернова смолкли, Пон добрался ощупью до двери и молча встал на пороге.

— Что, кончили? — спросил он наконец. — Жернова то у нас старые, с первого раза зерно обдирают плохо, лучше рушить дважды.

— Да, хорошо... А где ваша матушка?

— Мама в поле.

Они замолчали снова. Потом Пон сказал, словно оправдываясь:

— Вы ведь давно здесь, в деревне, а к нам и не заглядываете, я и не знал...

Вот так и началось их знакомство. Он, говоря по правде, не ожидал, что слова его обернутся приглашением.

Зиеу приходила обычно в полдень, когда мать еще работала в поле. Ей нравилось сидеть рядом с Поном и глядеть, как он мастерит крохотные игрушки — жом для сахарного тростника из сердцевины кукурузы, ступу с водяным колесом из мягкого дерева вонг, или кормит по зернышку свою птичку ри. Зиеу усаживалась на полено, брошенное поперек комнаты, пустой и неухоженной, где, как и во всем доме, заметно было отсутствие крепких мужских рук, и смотрела на острый ножик, проворно мелькавший в длинных тонких пальцах Пона. Из-под блестящего лезвия выходили маленькие аккуратные вещицы, а глаза Пона безучастно глядели поверх его работы, мимо сидевшей перед ним девушки, куда-то в сторону, где сгущались неясные тени. Временами она испуганно охала, а Пон, не поворачивая головы, смеялся:

— Что, боитесь, как бы я не порезался? Полно, я ведь привык.

Иногда он затевал с нею разговор о птицах:

— Птиц я люблю — страсть. Хотелось бы мне завести дрозда, его ведь можно обучить разговаривать по-человечьи. Вот была бы потеха.

— А каких вы еще знаете птиц? — подзадоривала его Зиеу.

Пон, подняв голову, погружался в раздумье. А Зиеу в душе раскаивалась: уж не обидела ли она его своим вопросом? Но Пон, подумав, отвечал ей с улыбкой:

— Каких еще птиц знаю?.. Да вот: ри, горлицу... голубя, ноокзиак...

— Ноокзиак? Это что за птица?

— Она большая, как ворона, объедает кукурузные початки; ее сразу признаешь по голосу: кричит «сак, сак, сак». Вредная птица!.. Да, еще знаю иволгу. Я слышал, ее со временем тоже можно выучить человеческой речи. Держал я как-то иволгу, только не стал подрезать ей крылья, а она взяла и улетела. Очень было жалко! Раньше она еще иногда подлетала к дому; покличешь ее, а она сядет где-нибудь рядышком и свистит. Да вот запропала куда-то...

— Жаль, у вас здесь не водится кукушка, — говорила Зиеу. — Мне она нравится. Как услышу ее голос, чудится, будто кто-то зовет меня. В детстве, бывало, слышу кукушку и иду... иду за нею...

Случалось, Пон подолгу молчал. В такие дни Зиеу, посидев напротив него, вдруг задавала ему какой-нибудь вовсе уж неожиданный вопрос.

— Пон, — спрашивала она, — как, по-вашему, выглядит белый цвет?

Пон опускал руки, державшие нож и деревяшки, и медлил с ответом.

— Белый... Белый цвет, он вот какой... Вы видели мою птичку ри — она белая. Белый цвет, он легкий. Я вижу его, Зиеу.

Она поворачивалась к двери и глядела на птичку ри: та, прихорашиваясь, чистила черным клювом свои коричневые перышки...

— Понятно, — говорила Зиеу. — Ну а синий?

Она и сама понимала, что, пожалуй, вопросы ее бес-

сердечны, но неумное любопытство юности подмывало ее спрашивать снова и снова. Пон улыбался, однако, судя по всему, вопрос этот оказался труднее прежнего. Он закрыл глаза, ноздри его тревожно раздувались.

— Я так скажу. — Голос его зазвенел, словно ударивший из расселины ключ. — Синий цвет, он очень далекий и простирается вширь... До него дойти нелегко...

Зиеу удивилась. Теперь уж она сама замолчала надолго.

— Да я и сама толком не знаю... Я родилась у моря. А море синее-синее.

— Море, наверно, большое?

— Да, огромное...

— Огромное... это какое?

— Ну, скажем, если идти весь день, с рассвета и до темна, до конца моря не доберешься; его не обойти и за десять дней, и даже за сто... По морю ходят волны. Я, когда была маленькая, очень любила слушать, как волны ударяют о берег. Они не умолкают ни днем, ни ночью, и кажется, будто море разговаривает с тобой...

Вечером Пон спросил у матери:

— Мама, а вы когда-нибудь видели море?

— Что, небось Зиеу родом оттуда? — встревожилась мать.

Пон не ответил ей.

— В чем дело, сынок? — Голос ее прозвучал как стон. — Что это взбрело тебе на ум?

Но Пон опять не раскрыл рта. Он думал о море, об огромном синем море, и в ушах у него звучал голос волн. Хорошо бы побывать у моря, потрогать его рукой. Зиеу говорила, будто по ее морю ходят, словно буйволы по лугу, огромные корабли; только луг этот синий, а корабли белые и черные... Море, оно соленое... Буйволы едят траву, а корабли — уголь, его выкапывают из-под земли...

В тот день ярко светило солнце. Пон ощупью добрал до ворот и стоял там, держась рукою за ствол сливы, которую отец посадил давным-давно, в день его рождения. Солнечные лучи, будто теплые ласковые ладони, скользили по его лицу. И в уголках его широко раскрытых глаз заблестели слезы. Впервые в жизни он плакал, ощутив свое бессилие перед пространством, доступным другим людям, обуреваемый дерзкими желаниями и мечтами.

Мать была испугана происшедшей в нем переменой. Она возвращалась теперь с поля пораньше, еще до полудня. Но Зиеу стала приходиться ближе к вечеру, когда мать уходила на базар в Ньюкхай.

Однажды Зиеу уговорила Пона пойти погулять к реке. Она вела его по узкой тропинке между скалами, и ступни Пона узнавали исхоженную им когда-то дорогу, а ноздри, раздуваясь, ловили прохладное дыхание воды. Ветерок, мягкий и шелковистый, словно крылья прыгуна-богомла, гладил его по лицу. Он слышал звонкий голос длинноклювого зимородка и хлопанье его крыльев перед тем, как тот стрелою бросался с неба в быстрые воды реки. Пон шагал следом за Зиеу — так когда-то он шел вместе с Ием. Шаги Зиеу были уверенными и четкими, и сам он ступал хоть и не скоро, но твердо, будто зрячий. Впервые за двадцать лет шел он вот так — спокойно и бесстрашно, чувствуя рядом локоть друга.

— Вот и река, — сказала она.

Они остановились.

— А знаете, Пон. — Голос ее сливался с шумом воды. — Река у одного берега мутная, а у другого прозрачная. Как вы думаете, почему?

— Да неужели? — только и отвечал Пон.

— Раньше вся река была прозрачная, — с ученым видом принялась объяснять Зиеу. — Но теперь в Тиньтуке построили шахту, водой промывают руду, и река замутилась.

Пон внимательно слушал ее, и ему почудилось, будто ветер доносит до него разные запахи — чистой воды и мутной.

— Не сегодня-завтра, — продолжала Зиеу, — я уеду туда.

— Куда?

МОРЕ, В КОТОРОМ НЕЛЬЗЯ ПЛАВАТЬ

Раньше их мастерили из тряпья, напяливая его на деревянную крестовину, и ставили на полях и огородах на страх воронам. Птицы их боялись и не трогали посевов. Век научно-технической революции внес свои коррективы в туалеты для пугал. Фигуру в красном комбинезоне, обычной одежде нефтяников, установили в Северном море западно-германские экологи. Экологи боятся вовсе не того, что птицы начнут таскать из моря слишком много рыбы. Просто поверхность воды покрыта толстым нефтяным ковром. Нефтяное пугало — печальное и вместе с тем тревожное предупреждение птицам и людям. Птицам, которые сотнями тысяч опускаются на обманчивое маслянистое поле, чтобы уже никогда с него не взлететь. Людям, оставляющим черные пятна на голубой поверхности морей.

БОЖИЙ ДАР

Прекрасные отношения с богом сложились у 12-летнего Тома Шиллингера из штата Иллинойс: каждое воскресенье этот хорошо кормленный школьник вещает слово божье. Проповеди его обращены к родителям: оберегайте детей от дьявольских соблазнов, из коих самым наидьявольским является желание играть с чернокожими сверстниками. Менее смертными, но все же грехами Том считает увлечения: а) роликовыми коньками, б) рок-музыкой (ведь среди музыкантов немало чернокожих!). Упрямцев воспитывайте розгой: дети должны ходить по струнке — тогда из них вырастут истинные чада божьи.

Заканчивает Том свои проповеди исполнением на саксофоне «Когда святые маршируют». Вещи негритянского, кстати, происхождения.

ЛАЗУРНЫЕ ВОДЫ ГИТАРЫ

Город Нашвилл, штат Теннесси, называют «музыкальной столицей США», и по праву: в этом городе находятся крупнейшие фирмы грамзаписи, знаменитый зал «Гранд оул опри» — центр популярной теперь во всем мире кантри-музыки. В этом городе проживают две тысячи шестьсот членов Американской федерации музыкантов. В этом городе проходят ежегодные фестивали кантри — с фейерверком и парадами (такой парад вы видите на снимке).

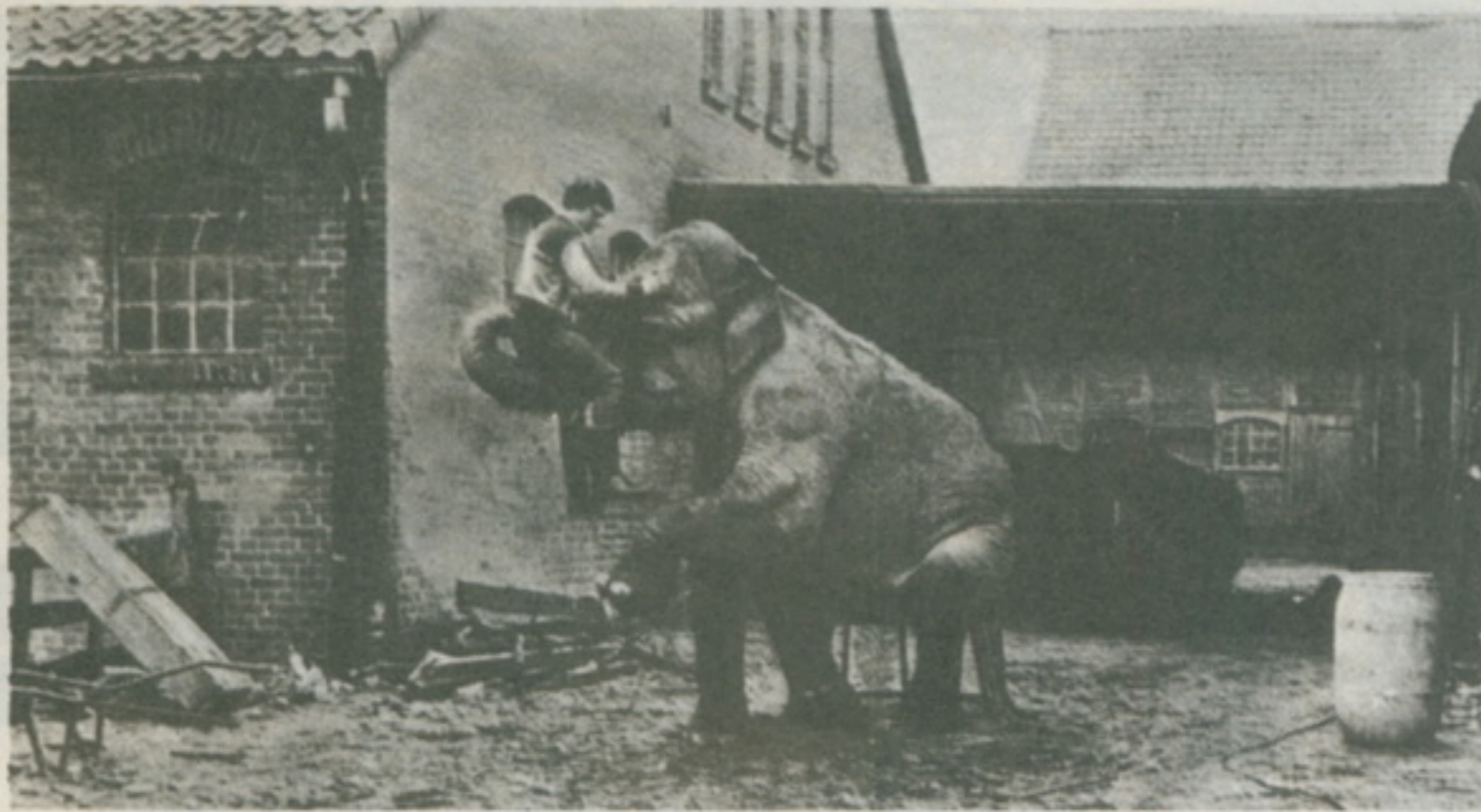
Город Нашвилл называют «музыкальным Голливудом», и по праву: примерно сто из вышеупомянутых членов АФМ живут по самым высоким голливудским стандартам (включая собственные виллы с бассейнами в форме гитары — местный колорит). А остальные две с половиной тысячи? Их гитары хоть и не так дороги, зато настоящие.

А ЧТО РИСУЮТ?

— Это наш новый пульт. Нажатием первой кнопки мы уничтожаем атмосферу, второй — отключаем электроэнергию, а третьей — взрываем земной шар.

(«Штерн», Гамбург)

ЦИРК, ДА И ТОЛЬКО!

У каждого цирка свои трюки. Уличный цирк «Аполло», например, единственный в ФРГ считается «государственным», но что это означает, сам цирк не знает: от государства он не получает никаких дотаций — ни на оборудование, ни на корм для зверей. Чем не «смертельный номер», особенно зимой: выступлений нет, касса пуста, голодают не только слоны, но и артисты. Обратились к государству, государство подумало и издало указ: цирк закрыть, зверей продать. А артистам куда? Но выполнять надо: цирк-то государственный.

СО СТИХИЕЙ НА «ТЫ»

Все уверенней входят в нашу жизнь новые формы общения со стихией. Доказательством этому могут служить публикуемые здесь фотографии: реальностью стали солнечные батареи, установленные на крышах домов, — они дают энергию для обогрева и охлаждения. Вполне реален и автомобиль с ветряным двигателем в кузове: грузовик наберет начальную скорость, а дальше уж пойдет на энергии ветра (специалисты, кстати, считают, что подобным образом могут двигаться даже поезда). А преимущества гидропонники доказывают урожаи, выращенные в теплицах без почвы, когда корни растений находятся в водной среде с заданным составом химических элементов. Правда, урожай приходится собирать вплавь (что вы и видите на снимке).

ДЕТИ, ВЗРОСЛЫЕ И КУБИКИ

На фотографии изображены кубики, но так могут думать только те, кто уже много лет не играет в кубики. А для ребят это настоящий строительный материал, и строить можно все, что выдумал, и везде, где захотелось: во дворе, на детской площадке, в сквере. Воспитательница детского сада в городе Костелец над Черным лесом (ЧССР) насчитала 930 вариантов построек своих подопечных, и ни одна из них не повторяла другую: туннель и кормушка для оленей, школа и волшебный замок, корабль и всадник на вздыбленной лошади. Кукла всегда останется куклой, заводной автомобиль можно в лучшем случае разобрать и посмотреть, как он ездит. А кубики, которые придумали чехословацкие инженеры братья Гуловы (их вы тоже видите на снимке), зовут ребят к творчеству, дают простор фантазии.

НОВОСТИ КИНЕМАТОГРАФИИ. «Общество, в котором мы живем, — джунгли. Оно не дает жить бедным и слабым. Поэтому надо найти в себе силы и встать на их защиту. Некоторые из фильмов, в которых я снялась, пользовались успехом. Это дает мне право сказать, что у меня несколько больше общественного влияния, чем у других, и я намерена использовать это влияние». Эти слова принадлежат известной американской киноактрисе Джейн Фонде.

Однажды на съемках фильма негритянский мальчик подарил Джейн Фонде цветы. Поцелуй в щеку, которым наградила мальчика благодарная актриса, послужил поводом для скандала, устроенного вокруг ее имени. «Любимица ниггеров!» — вопили расисты. Этот случай и последующие выступления Фонды в защиту прав негритянского населения США сделали ее «нежелательным лицом» в Южно-Африканской Республике. Американские кинематографисты снимали там фильм с Фондой в главной роли. Но в аэропорту Йоханнесбурга по указанию министерства внутренних дел ЮАР Фонду продержали целую ночь под стражей и лишь после настойчивых требований постановщиков фильма скрепя сердце пропустили на съемки.

Арт БУХВАЛЬД,
американский фельетонист

Любой настоящий спортсмен вам скажет, что в Лувре стоит посмотреть только три вещи: крылатую богиню Нику, Венеру Милосскую и Мону Лизу. Вся прочая скульптура и живопись — лишь рамка для Большой Тройки, и кто станет терять на них время, когда в Париже столько интересного.

С тех пор как Лувр приобрел эти шедевры, любители со всего света старались довести время, необходимое на их осмотр, до минимума. До первой мировой войны рекорд принадлежал трем скандинавам, затратившим на весь маршрут 7 минут 33 секунды. Рекорд продержался до 1935 года, когда англичанин по имени Мергенталлер Уэйслиуиллоу вместе со своей женой из Уэльса прошагал по коридорам Лувра за семь минут ровно. В первой попытке Уэйслиуиллоу показал время шесть минут сорок девять секунд, но его дисквалифицировали за то, что он забыл сделать полный круг вокруг Венеры Милосской.

Этот рекорд продержался до 1938 года. Житель Стокгольма по прозвищу Шведское Ядро изобрел кеды и с их помощью завершил осмотр за 6 минут двадцать пять секунд.

Следующая попытка побить мировой рекорд была предпринята только в 1947 году. Поскольку в то время передвижение по Европе было сильно ограничено, американцы практически соревновались в одиночестве. Первым победителем, который увез голубую ленту чемпиона в Штаты, оказался Тэкс Хаустон из Оклахомы.

Рис. С. ТЮНИНА

со стр. 27 ▼

— На рудник. Вы разве не слышите: каждую ночь машины везут туда новых рабочих. Сейчас по всей стране идет строительство. В Тиньтуке, говорил мне мой брат Лак, добывают олово и даже золото.

Пон присел на гладкий валун.

— Значит, вы, Зиеу, будете золотоискателем?

— Да по мне и в поле работать неплохо. Просто я люблю дальние дороги, и быть шахтером, наверно, здорово. Шахтерский труд умножает богатство страны.

— А рудник, он какой? — спросил Пон.

— Я еще и сама не знаю. Ну, в общем, там роют землю и поднимают на поверхность руду, потом, говорят, ее варят очень старательно, чтоб получилось олово.

— Это небось далеко?

— Да нет, вроде не очень. Поживу там, а после приеду проведать вашу матушку и вас.

Пон, пошарив рукой по земле, подобрал обкатанную круглую гальку, выпрямился и изо всех сил швырнул ее в небо.

— Вы, Зиеу, точь-в-точь как моя иволга, — весело сказал он. — Впорхнули сюда, а я не подрезал вам крылышки, и вот улетаете от нас.

Особым женским чутьем она поняла, что в словах Пона кроется какая-то опасность. Но бьющая через край

жизнерадостность и сила молодости легко одолели все ее тревоги.

— Как у вас складно и здорово вышло! — засмеялась Зиеу. — Вам, значит, хочется подрезать мне крылья?

Пон засмеялся тоже, но в голосе его слышалось не веселье, а какая-то отрешенность человека, который уже отделен от жизни непроницаемой стеной мрака.

— Да нет, коли хочется улететь — летите, я и не думал вам подрезать крылья. Просто сказал так — для красного словца.

По извилистой тропке Зиеу свела Пона к самой воде.

— Отсюда, — сказала она, — я каждый день ношу на коромыслах воду.

Пон промолчал, и она, обернувшись, взглянула на него. Он стоял рядом, но глаза его устремлены были куда-то вдаль, словно он видел там какую-то другую, нездешнюю жизнь.

— А вы, Зиеу, очень красивая, — вдруг сказал Пон.

Зиеу, удивленная его словами, промолчала, потом заговорила, и голос ее звучал серьезней и строже:

— Да вы ведь и не видали меня, я суцкая уродина.

Пон изменился в лице:

— Нет, уродство — оно мертвое. А вы сильная и любите дальние дороги, значит, вы не можете быть некрасивой...

Ему удалось скинуть с бывшего рекорда сразу две секунды. В 1949 году восходящая звезда легкой атлетики из университета в Майами (штат Огайо) пробежал дистанцию за 6 минут 14 секунд. А в 1951 году австралийцы отобрали титул у американцев, осмотрев Лувр за 6 минут 12 секунд.

С тех пор все говорят о «Лувре за шесть минут». Ученые утверждают, что при идеальных условиях — гладком поле, хорошем освещении и отсутствии ветра — результат достигим. И все же пока никому не удавалось улучшить время австралийца.

И вот как-то в воскресенье мне по секрету сообщили, что один американский турист собирается посягнуть на рекорд. Звали его Питер Стоун. Это была уже его не

первая попытка, но все предыдущие заканчивались неудачно. Накануне многие газеты и журналы цитировали знаменитое высказывание претендента. Как-то на одной из тренировок после часового изучения крылатой богини он изрек: «Она никогда не будет летать».

Однажды его попросили удалиться из Лувра, после того как он громко сказал, обращаясь к группе туристов, глядевших на Мону Лизу: «Я знаю парня, у которого оригинал».

Подготовился Стоун отлично. Он привез с собой тренера и специальные беговые туфли для закрытого манежа, а перед пробегом освободил карманы от лишнего груза. Для рекордной попытки он избрал воскресное утро. На то было несколько причин. Во-первых, по воскресеньям вход в музей бесплатный, и ему не придется терять драгоценные минуты у кассы. Во-вторых, в воскресное утро в Лувре в залах бывает довольно свободно. По правилам состязаний Стоун должен вылезти из такси, попросив водителя подождать. Затем полагается ворваться в музей, проделать весь маршрут и возвратиться обратно в такси. Финиш официально фиксируется, когда машина отъедет от обочины на четыре фута. Хронометрировать забег будут представители банка «Америкен экспресс», туристской компании «Томас Кук и сын» и французского бюро туризма.

И вот до старта остались считанные минуты... Стоун получает последнее напутствие тренера: «Делай что хочешь, только держись подальше от «Похищения сабинянок» — иначе ты пропал...» Стоун тщательно натирает подошвы канифолью, которую держат специально для туристов в коробке у входа в Лувр, а потом забирается снова в такси.

Раздается выстрел стартового пистолета, Стоун выскакивает из такси и бросается в музей. Но по правилам соревнования внутри надо обязательно идти шагом, бежать нельзя. Глядя прямо перед собой, он со свистом мчится через Салль Денон. У подножия лестницы Дару чуть медлит, бросает взгляд на крылатую богиню Нику, поворачивает налево и бросается вниз по двум небольшим пролетам, через ротонду прямо к Венере Милосской. Обходит вокруг статуи и направляется обратно к крылатой богине победы, срезав путь через римский и греческий залы. Фантастическое промежуточное время! До Венеры Стоун дошел за 1 минуту 58 секунд.

Переступая через две ступеньки, спортсмен буквально взлетает вверх по лестнице, на две секунды останавливается у крылатой богини... Через зал Дару, помедлив секунду у портрета Наполеона, бросается в Гранд галери, где его ожидает Мона Лиза. Прошло всего тридцать секунд, а он уже стоит перед картиной. По правилам, стоя у полотна, участник состязания должен сделать безобидную туристскую ремарку.

Стоун не стал рисковать. Он выбирает простой, но изящный вариант: «Не понимаю, что в ней такого великого...», разворачивается и бросается вниз по лестнице, на этот раз даже не удостаивая взглядом крылатую Нику. Проскакивает Салль Денон, выбегает на улицу и садится в такси скорее, чем вы успеете сказать «Леонардо да Винчи». Машина отъезжает от тротуара, и вновь раздается выстрел судейского пистолета. Феноменальное время! 5 минут 56 секунд — новый мировой туристский рекорд! Голубая лента вернулась в Америку...

Чемпион держался очень скромно, отклонил несколько заманчивых предложений от турбюро и журналов и сообщил, что успехом прежде всего обязан тренеру.

В интервью одной газете Стоун сказал: «Следующий рекорд я собираюсь побить в соборе св. Петра в Риме. А потом, кто знает, может, попробую и лондонский Тауэр. Говорят, его не сделаешь меньше, чем за четыре минуты. Что ж, как говорится, поглядим...»

Чемпион обнял счастливую мать, и их окружили фотографы.

Перевел с английского А. ХВОСТОВ

Когда они возвращались, уже стемнело. Дойдя до перекрестка, откуда было недалеко до деревни, Пон сказал, что дальше пойдет сам, ему, мол, эта дорога знакома. Он стоял и прислушивался, покуда не стихли вдали шаги Зиеу, и лишь потом тронулся в путь.

Через несколько дней Зиеу получила письмо от Лака и уехала на рудник так же внезапно, как и появилась в деревне. Пон провожал ее до большака. Зиеу, проголодовав, остановила ехавший в Тиньтук лесовоз.

— Счастливого пути, — сказал Пон.

Помедлив, он провел ладонями по огромным длинным бревнам, громоздившимся в кузове:

— Железное дерево, как на подбор... Да, шахта наша, должно быть, огромная.

Машина отъехала уже довольно далеко, когда Пон повернулся и зашагал к дому...

Верно говорил Пон: Зиеу, совсем как его иволга, скрылась куда-то. Просто она пролетала мимо и, услышав его зов, опустилась сюда ненадолго. Но давно уже она не заглядывала к нему. Пон хотел было отправиться на поиски, да так и не собрался. Он остался дома и вместо возни с малютками игрушками занялся делом, которое Зиеу, узнай она об этом, одобрила бы с радостью. Пон строил для людей разные машины: новый «самоходный» плуг, земледробилку, сеялку... И пусть сам Пон не мог

уйти далеко от дома, машины его расходились по всей округе, забираясь, быть может, дальше, чем Зиеу. Из всех сработанных им машин одна лишь не имела никакого касательства к земледелию: трехколесный велосипед, где все — от рамы до ободьев и цепи — было выточено из дерева. Пон решил, что в один прекрасный день и сам он отправится в путешествие на нехитром своем «транспорте».

Кто знает, где жила теперь Зиеу, но все равно до нее не могли не дойти вести о Поне, ведь про него даже писали в газетах. А он по-прежнему просыпался с первыми петухами и для начала прикидывал, какие дела ожидают его сегодня. И мать все так же с тревогой прислушивалась к тому, как сын вспоминает девушку, которая вошла в его жизнь, а потом вдруг исчезла. По ночам Пон слышал, как катили на рудник грузовики-лесовозы и ехавшие в них молодые рабочие, презирая ночную стужу, распевали песни. Каждый из них был ему близок и дорог.

Таков рассказ о Поне, который я услышал из его собственных уст.

Ну а может, он и не соответствует истине, потому что Пон — мечтатель и фантазер. И кто знает, не пригрелись ли ему все это от начала и до конца?

Перевел с вьетнамского М. ТКАЧЕВ

Перед вами плакаты греческого художника Георгоса Фарсакидиса из серии «Говорит Политехнический», посвященной восстанию студентов Афинского политехнического института против режима «черных полковников» в ноябре 1973 года. Восхищенный героизмом студентов, которые шли на верную гибель, сознавая, что восстание будет подавлено, и в то же время веря, что искры его разгорятся в душах патриотов, Фарсакидис воспроизвел на одном из плакатов строки из стихотворения «Фермопилы» выдающегося поэта К. Кавафиса о мужественной борьбе спартанцев с полчищами поработителей.

